

Анна Шнайдер

**Тьма императора. Часть
вторая. Жизнь на двоих**

«Литнет»

2022

Шнайдер А.

Тьма императора. Часть вторая. Жизнь на двоих / А. Шнайдер — «Литнет», 2022

Венец Альго не предполагает выбора между долгом и любовью. Император обязан следовать долгу всегда и не рисковать жизнью, рассудком и империей ради призрачного шанса воскресить любимую. Но даже у императоров есть чувства и слабости. Тот же мир, что в «Недостойной». Вторая часть истории императора Арена. Дорогие читатели! Не заглядывайте сюда, если вы ещё не читали первую часть!

© Шнайдер А., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	53
Глава 7	63
Глава 8	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Глава 1

Большой чёрный ворон парил в потоках ледяного ветра. Плавно взмахивая крыльями, он летел в сторону императорского дворца, рассекая воздух и осматривая окружающее пространство зорким взглядом тёмных глаз.

Птица не успела даже вскрикнуть — за мгновение она была снесена стеной ослепительного огня. Пламя ударило вертикально вверх, в небо, образуя прямоугольную клетку, а затем понеслось в центр, выжигая всё: дома, деревья, животных и людей. Наткнулось на полупрозрачный купол магического щита, созданного будто бы из воздуха, заревело сильнее — и начало стремительно уничтожать этот купол. С каждой секундой он иссякал, становясь тоньше, и, в конце концов, торжествуя вспыхнув, пламя ринулось дальше, сжигая то, что находилось в центре огненной клетки. Несколько мгновений побесновалось, подняв с земли тонны чёрного раскалённого пепла, и опало — словно и не пламя это вовсе, а вода, ушедшая теперь под землю.

Остался только пепел.

Угольно-чёрный, обжигающе горячий — будто след от огромного сгоревшего костра на месте четырёх домов в центре Старой Грааги. Он оседал мучительно медленно, не давая ни на шаг приблизиться к тому, что сияло там, впереди, в самом сердце пепла.

Ослепительная яркость абсолютного энергетического щита была обманчива — казалось, что в этом сиянии нет места смерти, но смерть там всё же была.

Вано Вагариус, ощущая нестерпимую боль в груди, отвернулся и посмотрел на стоящего рядом охранника.

— Юст, что с докладом Дайду и его величеству?

— Я всё сделал, как вы просили, — сказал мужчина. Голос его слегка дрожал. — Передал сигнал немедленной тревоги всем постам, императору в том числе.

— Хорошо, — кивнул Вано. Что ж, теперь оставалось только ждать.

Вагариус вновь посмотрел вперёд, на оседающий пепел. Контурный щит светился не менее ярко, чем раньше, обжигая своим свечением глаза Вано.

— Софи, — прошептал он почти неслышно. — Бедная моя девочка.

Услышав, что возле Императорского музея открылась порталная ловушка, император, попросив Анну остаться с Александром, сразу шагнул в камин и начал строить пространственный лифт к крыльцу музея. Двадцать секунд на построение лифта, вписанная константа перемещения... и стены лифта осыпались. Перенос был заблокирован.

Арен, выругавшись, попробовал другие координаты, чуть подальше от здания музея. То же самое. Тот, кто готовил ловушку для Агаты, хорошо всё продумал, понимая — если император успеет перенестись, успеет и спасти дочь.

Но Арэн не успевал.

Он, теряя драгоценное время, пробовал координаты всё дальше и дальше от музея, и к моменту, когда наконец смог вписать константу и стены лифта засветились, переноса его в город, прошло уже почти две минуты.

Переместиться получилось только в конец улицы — за десять домов от музея, — и Арэн, дождавшись, когда стены лифта истаят, со всех ног побежал вперёд, туда, где пульсировала тёмная энергия Геенны. Он не обращал внимания на людей, застывших посреди улицы с открытыми ртами и глазами, полными ужаса, — он просто бежал. Так быстро, как мог. Браслет связи на запястье вибрировал, но отвечать или смотреть на экран Арэну было некогда.

Император видел, что огонь порталной ловушки удерживается на месте щитом родовой магии Ваню, но не иссякает. Значит, пламя ещё не достигло цели, не нашло носителя порталного ключа и не сожгло его.

И только Арэн подумал это, как огонь исчез, будто его и не было, оставив после себя чёрную дыру, наполненную горьким пеплом.

— Ваше величество! — крикнул Вагариус, наконец заметив несущегося сломя голову с другого конца улицы императора. Арэн не остановился — пробежал мимо Ваню, нырнул в пепел и едва не споткнулся, вдруг осознав, что именно находится перед ним.

Император ощущал дочь родовой магией, он понимал, что она должна быть жива, и сейчас бежал к ней. Там, впереди, действительно была Агата, живая и невредимая — только не отзывалась ментально, словно находилась в глубоком обмороке. Тело её светилось...

Арэн моргнул, вздохнув впервые с того момента, как вбежал в сожжённую порталной ловушкой зону. Пепел вошёл в лёгкие, и император закашлялся — родовая магия защищала его от жара, но не от пепла. Арэн быстро поставил воздушную преграду и, сжав зубы, пошёл дальше.

Он прекрасно знал, как выглядит кокон абсолютного энергетического щита, хоть и не видел его ни разу до этого момента.

И прекрасно чувствовал, чей именно контур оплетает тело дочери.

София...

Арэн опустился на колени рядом с Агатой, ощущая, как режет глаза. Их словно ножом кололо, а в груди вместо сердца бился комок боли.

София...

Сквозь сияние энергетического контура император видел бледное лицо дочери — Агата была обнажённой, но пепел на её тело не ложился — долетая до щита, летел в сторону, не трогая светящуюся паутину.

София...

Хотелось завывать, как дикому зверю.

Арэн протянул руку к щеке дочери и коснулся кончиками пальцев того, что осталось от его маленькой аньян. Горячий, но не обжигающий, чистый свет... который, скорее всего, иссякнет через пару секунд.

Абсолютный энергетический щит должен исчезнуть, как только исчезнет опасность.

Арэн нахмурился, он не понимал...

Опасность уже исчезла. В тот самый миг, когда иссякла порталная ловушка — пепел Агате был уже не страшен.

Однако щит продолжал светиться.

После того как император вошёл в пепел, прошла ещё минута — и возле здания музея наконец стали загораться пространственные лифты. Из самого первого вышел бледный и злой, как тысяча демонов, Гектор Дайд.

— Где его величество? — буркнул он, подходя к Вагариусу.

Ваню кивнул на то, что осталось на месте ловушки.

— Ясно. — Морщины на лбу главного дознавателя чуть разгладились. — Он не отвечает по браслету, я уже думал, что... — Гектор осёкся, вглядываясь в оседающий пепел. — Это...

— Да, — сказал Ваню, потирая грудь. — Абсолютный энергетический щит. Моя София...

— Демоны! — выругался Дайд, глядя на эти движения, и, обернувшись к своим подоспевшим сотрудникам, заорал: — Врачей сюда, быстро!!!

Бригада скорой помощи Императорского госпиталя вышла из пространственного лифта ещё секунд через тридцать, и Гектор, усадив побледневшего безопасника на землю, передал его докторам, а сам поспешил к зданию музея, изумлённо оглядываясь на то, что осталось от травы и деревьев возле близлежащих зданий. Растения тоже словно тронуло огнём порталной ловушки, хотя на самом деле это был вовсе не огонь, а родовая магия императрицы.

Она сама обнаружилась лежащей на скамейке возле входа в музей. Рядом стоял мрачный охранник. Увидев Гектора, он вытянулся по стойке смирно и доложил:

— Её величество в обмороке, айл Дайд.

— Сюда тоже нужен врач, — пробормотал дознаватель. — И, возможно, не один... Ещё пострадавшие среди выживших имеются?

— Нет. В основном все находились в здании музея, вход был перекрыт по приказу Вагариуса, как только... это началось. На улице оказалось человек десять, они тоже сейчас внутри.

— Отлично. Пока не выпускать, — кивнул Гектор. Вернулся к площадке для пространственных лифтов, нашёл ещё одну бригаду врачей, послал их к императрице, распределил работу среди собственных сотрудников, а потом, убедившись, что пепел достаточно остыл, пошёл к его величеству.

Шло время, но сияние абсолютного энергетического щита не иссякало.

И Агата в себя тоже не приходила.

Арен не понимал, что всё это значит. Он пытался позвать дочь ментально, но она молчала, а слишком сильно давить на сознание император боялся.

Исследование щита ничего не дало. Он был таким, как на изображениях, — кокон из энергетического контура, сияющий и плотный. Но почему-то не исчезал.

— Ваше величество...

Арен обернулся — к нему сквозь пепел шёл Гектор Дайд, и эмоции его так сильно горчили, что император немедленно поставил эмпатический щит.

— Доложи обстановку, — сказал Арен хрипло.

— Императрица в обмороке, у Вагариуса сердечный приступ и магическое перенапряжение, — отчеканил дознаватель, хмуро глядя на Агату. — Общее число... пострадавших уточняется. Я отправил своих осматривать территорию и опрашивать свидетелей. Ваше величество... — Гектор вновь посмотрел на императора. — Я думаю, вам с её высочеством, императрицей и Вану надо в госпиталь.

— Да, Викторию и Вану можно отправить пространственным лифтом. Как... — Арен запнулся — дышать было демонски трудно, а говорить — ещё труднее. — Как Вану?

— Жив, — буркнул Дайд. — Больше ничего хорошего я сказать не могу.

Император кивнул, понимая, что эмпатический щит сегодня точно лучше не снимать — иначе эмоции окружающих, особенно Вагариуса, могут свести его с ума. А Арен и так с трудом держался.

— Как думаешь, почему он не иссякает? — спросил император, вновь глядя на дочь в сиянии контурного щита.

— Я не знаю, ваше величество, — ответил Гектор, и в голосе его была печаль. — Я впервые вижу подобное. Могу лишь предположить...

— Предполагай.

— Посмотрите на руки, — продолжил Дайд после секундной заминки. — Руки её высочества. Видите? Пальцами она цепляется за контур. Вероятно, именно это не позволяет щиту исчезнуть.

Арен опустил взгляд — и понял, что Гектор, скорее всего, прав. Как он сразу не заметил? Агата с силой сжимала кулаки и держалась за паутину контура так, словно на её месте были руки Софии.

София...

Император, вновь ощутив, что не способен дышать, на секунду закрыл глаза, пытаясь справиться с собственными чувствами.

— Её высочеству нужно в госпиталь, — задумчиво продолжал между тем Гектор. — Но как её туда доставить? Выдержит ли контурный щит транспортировку...

«Контурный».

Арен распахнул глаза, неожиданно почувствовав, что вновь может дышать. Кольнуло надеждой — глупой, хрупкой, почти неосуществимой...

— Гектор, вызови сюда Эн Арманиус, — прохрипел император с трудом. — И поскорее.

Эн Арманиус в настоящий момент была единственным в Альганне специалистом по восстановлению сломанных энергетических контуров. В случае с абсолютным энергетическим щитом о восстановлении речь не шла, но... надо же было с чего-то начать?

Эн вышла из пространственного лифта в сопровождении главного врача Императорского госпиталя Брайона Валлиуса через пару минут после того, как Арэн приказал Гектору вызвать её. Дознаватель проводил их с главврачом к месту, где находились император с Агатой, и сам остался здесь же, наблюдая за тем, как Эн садится рядом с наследницей и задумчиво изучает рисунок контурного щита. Потом она достала из сумки перчатки из драконьей кожи, надела их и начала осторожно щупать контур. Без перчаток дотрагиваться до него, не рискуя получить ожог, могли только члены семьи Альго.

— С наследницей всё в порядке, — сказала она через минуту, поглядев сначала на Валлиуса, а затем на Арена. — По крайней мере в настоящий момент. Что же касается щита... Он не исчезает, потому что её высочество держит контур и питает его своей жизненной силой. Как только отпустит — щит иссякнет.

Императору показалось или дочь сильнее сжала кулаки?

— Она сможет держать контур подобным образом примерно трое суток, — продолжала Эн. Голос её был типичным голосом врача — спокойным и бесстрастным. — Если хотите, я могу сделать так, что её высочество отпустит контур прямо сейчас. Ну или вы можете ментально сами попросить её об этом. Я думаю, она вас услышит.

Арена затошнило. Попросить Агату отпустить Софию? Чтобы она потом всю жизнь считала себя виноватой в её смерти?!

— Эн, — произнёс он сипло. — Ты считаешь, здесь ничего нельзя сделать?

Эн, чуть нахмурившись, поглядела на императора с удивлением.

— Такого не бывает, — сказала она резко. — Всегда можно что-нибудь сделать. Я только не гарантирую хороших результатов.

— Я понимаю. Сделай, если можешь, Эн. Я прошу.

Наверное, Эн в этот момент была поражена — Арэн видел по её глазам, но, закрытый эмпатическим щитом, эмоций не ощущал.

— Тогда аккуратно выносите её высочество к площадке для лифтов, — произнесла Эн, поднимаясь. — И переноситесь в госпиталь.

— А можно переноситься? — уточнил Арэн. — Контур не...

— Нет. Контур не исчезнет, пока его не отпустит Агата, ваше величество. Сознательно не отпустит. Пространственные лифты на это никак повлиять не могут.

— Хорошо. — Император повернулся к Дайду. — Гектор, я ухожу. Прошу тебя взять всё под контроль и докладывать о результатах по мере необходимости. Как Ваню и её величество?..

— Они уже в госпитале, — отозвался дознаватель, а Валлиус добавил:

— С обоими всё в порядке. Ваша жена пришла в себя, с ней работают психотерапевты.

— Ваше величество... — вновь заговорил Гектор. — Что делать с... родственниками Софии Тали?

— Пока ничего не сообщать. Позже, — ответил император, наклоняясь над Агатой.

Брать её на руки было страшно. Арена даже холодный пот прошиб — он опасался, что что-нибудь случится либо с дочерью, либо с контуром Софии.

София... Неужели он больше никогда её не увидит?

Император осторожно подхватил Агату на руки и медленно, боясь дышать, поднял с перевернутой в пепел земли. Всё осталось как и прежде — дочь не двигалась, а контур облеплял её тело, словно вторая кожа.

— Идёмте к лифтам, — сказала Эн, и в её голосе Арена почувствовалось сочувствие. — Я сама перенесу вас с Агатой.

— Спасибо, — проговорил император, прижимая к себе дочь.

— Пока не за что, — вздохнула Эн.

Обычно по выходным в госпитале было чуть спокойнее, чем в будни, но не в эту субботу. По сигналу тревоги, включённому по приказу Вагариуса, мобилизовали все службы, в том числе и Императорский госпиталь. Заведующие отделений, которые при обычном режиме по выходным на работе отсутствовали, были вынуждены в срочном порядке явиться в госпиталь, и теперь толпились возле зала для переносов, ожидая главного врача. Прошло ещё слишком мало времени для того, чтобы слухи разошлись в полном объёме, поэтому большинство сотрудников оказались не в курсе произошедшего и ждали дальнейших указаний.

Император с Агатой на руках, Эн и Валлиус вышли из двух лифтов одновременно. Главврач, оглядев застывших в изумлении сотрудников — не каждый день видишь императора, ещё и с такой странной ношей, — скомандовал:

— Заведующий реанимационным отделением идёт с нами. Остальные пока могут расходиться по своим рабочим местам. Домой никто не уходит.

Вперёд вышел высокий мужчина с густыми чёрными волосами и направился следом за императором, Эн и Валлиусом, которые уже следовали к лифтам.

— Алекс, в какую палату? — спросила Эн, не оборачиваясь.

— Четыреста пять.

Арен разговоров почти не слышал — он нёс Агату как можно осторожнее, стараясь не забывать про эмпатический щит. Ощущать сейчас чужие эмоции он совершенно не хотел — своих было слишком много.

Контур, коконом окружавший дочь, не мерцал и не пульсировал — просто светился, так же ярко, как и прежде, когда Агата лежала на земле среди пепла. И императору казалось, что он несёт на руках не только дочь, но и Софию.

Милая маленькая София. Неужели больше никогда?..

— Сюда, — сказала Эн, распахивая перед Ареном створки белой больничной двери.

Палата, в которую вошёл император, была очень просторной, с удобной, почти двухспальной койкой, широкой тумбочкой, столом у окна, парой стульев и даже шкафом для одежды — но Арена этого и не заметил. Он аккуратно, не дыша, положил Агату поверх белоснежного покрывала и с тревогой взгляделся в лицо дочери — бледное и по-прежнему безучастное. Она словно спала, но это точно был не сон — иначе Арена уже дозволялся бы.

— Около получаса назад возле Императорского музея была активирована порталная ловушка, — заговорил главврач. — Её высочество осталась невредимой благодаря тому, что... — он на секунду запнулся, будто эта мысль его удивляла, — ...что её аньян стала контурным щитом.

— Аньян? — А вот в голосе реаниматолога было не то что удивление, а настоящий шок.

— Аньян, — вмешалась Эн. — Но давайте не будем терять время. Алекс, вы не могли бы распорядиться, чтобы мне принесли необходимую аппаратуру? Мне нужен «колпак» и...

— Стоп-стоп, — перебил её заведующий отделением. — Вы что собираетесь делать? Я не очень понимаю. Я не против того, чтобы обеспечить вас оборудованием, но хотел бы знать, что вы планируете предпринять. Я ведь отвечаю за всё, что происходит в моём отделении.

— Я пока не знаю, что собираюсь делать, — ответила Эн спокойно. — Это невозможно решить за десять минут. Надо подумать.

— Я прошу прощения, но, на мой взгляд, здесь всё ясно. Есть три варианта — надо катализировать сознание либо медикаментозно, либо физически, либо ментально и заставить девочку отпустить контур. Чем скорее она его отпустит, тем лучше.

— Замолчите.

В палате повисла тишина. Арен напряжённо смотрел на дочь, теперь уверенный в том, что ему не показалось и Агата действительно сильнее сжала кулаки.

А ещё в уголках глаз он заметил слёзы.

«Агата, — позвал император мысленно. — Агата, радость моя, ты слышишь?»

В голове зазвенело от истощающего крика:

«НЕТ!!!»

И вновь тишина.

Арен с трудом сделал вдох — в груди болело так, словно у него самого был сердечный приступ, — и холодно сказал:

— Во-первых, я прошу вас всех контролировать, что вы говорите при моей дочери. Она слышит и переживает. Во-вторых — я не желаю слышать ни слова о том, что она должна отпустить контур.

— Ваше величество... — начал реаниматолог тоном человека, который собирается уговаривать, но его перебила Эн.

— Агата! — произнесла она громко, делая шаг к койке, и остановилась у императора за спиной. — Меня зовут Эн, три года назад я вылечила твоего дядю Арчибальда. Не волнуйся, я постараюсь сделать всё, чтобы вернуть твою аньян. — Девушка запнулась, задержав дыхание, а потом ответила: — Да, я обещаю.

Значит, Агата говорила с ней ментально? Арен не успел спросить — Эн прояснила всё сама.

— Но больше не обращай ко мне мысленно, иначе быстро устанешь. И расслабь немного руки. Не бойся, контур от этого не исчезнет, наоборот, тебе станет легче его держать.

Кулаки дочери после этих слов действительно чуть разжались.

— Алекс, давайте выйдем, я всё вам объясню, — продолжала Эн. — Брайон, и вам тоже. Ваше величество... вы пока можете побыть здесь, я потом ещё раз отдельно вам всё расскажу.

В другой день Арен улыбнулся бы этому «вы пока можете» по отношению к императору. Но не сегодня. Он вообще не был уверен в том, что теперь когда-нибудь сможет улыбаться.

Арен кивнул, и трое врачей тихо вышли в коридор. Они разговаривали минут пять, и их почти не было слышно — только заведующий реанимационным отделением один раз возмущённо воскликнул: «Эн!» — но потом вновь всё стихло.

Император сел на койку рядом с Агатой и погладил дочь по руке, задевая энергетический щит Софии. Чистое и тёплое сияние... Не удивительно, что она смогла превратиться в свет. Она ведь была чистейшим созданием...

«Нет, — подумал Арен и снова начал задыхаться. — Никаких “была”. София есть. Она ещё не исчезла».

Тихо открылась дверь, и в палату вошла Эн. Приблизилась к койке и, встав рядом, негромко сказала:

— Ваше величество, я могу... объяснить, что собираюсь сделать?

— Да, конечно, — глухо ответил Арен, не поднимая головы — он продолжал смотреть на дочь. — Рассказывай.

— Есть такой врачебный постулат: мага нельзя считать мёртвым, пока у него светится контур. Этот постулат позволяет мне, скажем так... совершать некоторые манипуляции, поскольку, пока человек жив, врач обязан его лечить. И сейчас мы, по сути, не можем отказать пострадавшей в лечении. Неважно, по какой причине контур светится и откуда берётся жизненная сила. Именно это я и сказала Алексу. Но так как случай беспрецедентный, завтра мне придётся выступить на врачебном консилиуме, изложить аргументы и предоставить план лечения. Которого у меня, правда, пока нет. Но он, я думаю, будет. А сейчас я собираюсь подсоединить вашу дочь к силовым накопителям, чтобы она не тратила жизненную энергию на поддержание контура, поставить «колпак», чтобы можно было следить за её физическим состоянием, ну и... да, составлять план. Так что вы, в принципе, можете идти. Я теперь буду с Агатой. Там, кстати, перед палатой уже куча охраны, Гектор прислал. Поэтому можете не волноваться.

Император наклонился и, коснувшись ладони дочери — а заодно и контура Софии — губами, поднялся с койки.

— Я зайду позже. Если будет необходимость, связывайся со мной по браслету.

Эн кивнула и, мгновение помешкав, неуверенно спросила:

— Напомните, пожалуйста... как её звали? Вы называли имя, когда говорили с Гектором, но я забыла. Простите.

— София, — ответил император, не понимая, какое отношение это имеет к лечению. — Её зовут София.

— София... — повторила Эн, глядя на сияющий кокон, в котором находилась Агата. — Спасибо, ваше величество.

Возле палаты действительно стояло четверо безопасников, вытянувшихся по струнке, как только Арен вышел в коридор.

Теперь первым делом нужно было навестить Викторию и Вано, но, где они сейчас, император не имел понятия.

— Вы знаете, где Вагариус и моя жена? — поинтересовался Арен у старшего из охранников.

— В терапии, ваше величество, — ответил мужчина. — Густав вас проводит.

— Есть, — услужливо кивнул молодой парень, но император остановил его, покачав головой.

— Не надо. Оставайтесь на посту. Я перенесусь туда. Какой этаж?

— Второй, ваше величество.

Через полминуты Арен вышел из лифта посреди коридора в терапевтическом отделении. Именно здесь работала Эн, но поместить сюда Агату сейчас не могли — всех, кто находился без сознания, отправляли в реанимацию.

Проходящие мимо императора врачи и медсёстры, здороваясь, кланялись и глядели на него кто сочувственно, кто с любопытством, но были и испуганные взгляды. Причём чаще всего эти взгляды принадлежали врачам-аристократам.

— В какой палате лежит моя жена? — спросил Арен у невысокого коренастого мужчины в белом халате. Только когда тот ответил, император подумал, что главный врач наверняка должен был написать ему на браслет связи, и, покосившись на экран, действительно увидел отчёт от Валлиуса. Совсем голова не работает... хотя это не удивительно.

Вагариус и Виктория находились в соседних палатах, и Арен, помешкав, зашёл сначала туда, где лежал безопасник. Неизвестно, сколько продлится разговор с женой — если она, конечно, способна разговаривать, — а вот встреча с Вано долгой точно не будет.

Хмурый и недовольный Вагариус обнаружился у окна больничной палаты. Он пил морс из большой белой чашки и был почти полностью одет — только китель висел на спинке стоявшего рядом стула.

— Ваше величество, — сказал Ваню, сразу поставив чашку на подоконник, — я хотел бы узнать...

— Энергетический контур Софии так и не исчез, — перебил его император. В груди вновь всё сжалось, но Арен не обратил на это внимания. Некогда. — Я перенёс Агату сюда, она сейчас в реанимации. Моя дочь держит твою внучку, Ваню.

Безопасник смотрел на него широко открытыми глазами, на самом дне которых императору чудилась надежда.

А ещё эти глаза были такими же серыми, как...

— Сейчас ими обеими занимается Эн Арманиус, — продолжил Арен с трудом. — Я не знаю, что она собирается делать. И она пока не знает. Но она обещала и мне, и моей дочери, что постарается вернуть Софию.

Вагариус сглотнул.

— Ваше величество...

— Не надо, Ваню, — оборвал его император. — Не говори ничего. Я не собираюсь тебя обнадеживать — абсолютный энергетический щит считается невозвратным заклинанием.

— Магов со сломанным контуром раньше тоже считали безнадёжно больными. Но Эн ведь нашла решение, вылечила вашего брата... — сказал Вагариус негромко — он, как и Арен, цеплялся за соломинку.

— Ваню, — вновь прервал безопасника император. — Что говорят врачи? Тебе можно уйти из госпиталя или лучше оставаться здесь?

— Мне нужно уйти из госпиталя. — Вагариус упрямо поджал губы. — Неважно, что они говорят.

— Важно. Я не хочу потерять тебя. Мне нужна твоя помощь, Ваню. Что они говорят?

Глава комитета безопасности чуть слышно вздохнул.

— Говорят, что лучше подождать хотя бы до вечера. Но кто-то ведь должен сообщить матери Софии.

— Да. — Император на пару мгновений задумался. — Тогда иди сейчас к ней. Приведёшь сюда, всё расскажешь, можете поговорить с Эн. Когда я освобожусь, тоже пообщаюсь с мамой Софии. А затем ты будешь лежать в госпитале как минимум до завтра.

Вагариус поморщился, но кивнул.

— Да, ваше величество. А... что я могу рассказывать? Кем работала София — могу?

— Можешь. Пока в сохранении этой тайны нет никакого смысла. А потом разберёмся.

Идти к Виктории не хотелось до тошноты, несмотря на эмпатический щит. Для полноты счастья Арену только её истерики не хватало.

Морщась от предчувствия очередного скандала, император изучил отчёт Валлиуса о состоянии Виктории. Физически она была в порядке, а вот эмоционально...

Однако поговорить с женой нужно было, поэтому Арен, на всякий случай ещё немного укрепив щит, открыл дверь в палату, где лежала Виктория, и шагнул внутрь.

Она сидела за столом у окна и смотрела на улицу. Как и Вагариус, Виктория так и не переделалась. Услышав шаги, она вскочила и посмотрела на императора широко распахнутыми заплаканными глазами.

— Арен...

— С Агатой всё в порядке, — сказал он быстро. — Я знаю, тебе сообщили, но на всякий случай повторяю ещё раз. Она осталась цела и невредима благодаря Софии.

Виктория моргнула — глаза её постепенно заполнялись слезами, — открыла рот, но так ничего и не произнесла, а, громко разрыдавшись, осела на стул.

Тошнота усилилась, но Арен уже не обращал на неё внимания — подошёл к жене, наклонившись и обняв, вновь поставил на ноги.

— Вик, не плачь, — произнёс он безжизненным голосом. — Всё хорошо. Агата жива и здорова. Не надо плакать.

— Я не могу-у-у, — провыла Виктория ему в грудь. — Я всё время вспоминаю этот огонь...

— Ловушка была на крови Аарона, — перебил её император, желая чем-то отвлечь. — Я ощутил, пока бежал к ней по улице. Не смог перенестись к зданию музея.

Она затихла, сжав ладони на его плечах.

— Кровь Аарона? — переспросила Виктория с ужасом. — Но...

— Он мёртв, да. Значит, оставил кому-то... запасы. Что лишний раз доказывает — Гектор не всех арестовал. Впрочем, мы в этом и не сомневались. Вик... — Арен отстранился и заглянул жене в глаза. — Я очень прошу. Не отказывайся от помощи психотерапевта. Она тебе сейчас необходима.

По правде говоря, раньше эта помощь тоже была необходима, но все восемь лет Виктория категорически отказывалась от подобных предложений, ещё и обижалась на него. Арен ожидал, что и сейчас она тоже будет сопротивляться и кричать, но жена просто кивнула.

— Да. Я... Мне это очень нужно, да.

Удивляться император сегодня был не способен, поэтому лишь вздохнул с облегчением.

— Я могу навестить Агату? — продолжила Виктория с робостью. — Я хотела, но меня не пустили, попросили остаться в палате до твоих указаний. А во дворец ей уже можно или пока нет?

Навещать дочь жене было категорически нельзя — про то, что контур Софии так и не исчез, император рассказывать не собирался. Виктория наверняка начнёт возмущаться и говорить, что Агату нужно немедленно заставить отпустить контур, не подумав о том, каково придётся после этого их девочке. Арен опасался — если он услышит подобное, может сорваться и сжечь что-нибудь.

— Нельзя. Ни во дворец, ни навестить. Прости, Вик. Зато во дворец можно тебе. Я сейчас распоряжусь, чтобы тебя туда перенесли. С Алексом осталась Анна, присоединяйся к ней. Одна не сиди ни в коем случае. Поняла?

— Да, — вздохнула Виктория. — Но, Арен... с Агатой действительно всё в порядке?

— Действительно.

— Почему её тогда нельзя навестить?

Правдоподобный ответ никак не придумывался, поэтому император просто сказал:

— Нельзя, Вик. Я всё объясню позже. Главное ты знаешь — Агата жива и здорова, с ней ничего не случится.

Глаза Виктории вновь начали стремительно наполняться слезами. Она опустила голову и пробормотала:

— Да, Арен.

Надо бы спросить, в чём опять дело, но императору хотелось поскорее уйти.

— Я поговорю с врачами о твоём дальнейшем лечении, а потом тебя перенесут во дворец. До вечера. И пожалуйста, пообедай.

— Ты тоже, — произнесла она негромко, так и не подняв головы, и Арен, поцеловав жене руку, покинул палату.

Глава 2

На улице по-прежнему дул ледяной ветер, но теперь ещё добавился и дождь. Мелкий, противный, колкий, словно крошечные иглы, впивающиеся в кожу.

Покинув госпиталь, Вано Вагариус вздохнул и поморщился, раскрыв над собой выданный в регистратуре зонт. Заведующий терапевтическим отделением отпустил его не более чем на два часа, выписав пропуск только благодаря просьбе императора, и, хмурясь, посетовал, что на тот свет пациенты торопятся больше, чем в столовую. Вагариус пообещал, что быстро вернётся, на что врач только рукой махнул.

Синтия Тали... Да, не так он представлял себе их первую встречу, совсем не так. Вано надеялся, что со временем мама Софии привыкнет к его присутствию в жизни девочки, наслушается рассказов о нём и однажды разрешит зайти в гости. А получилось вот что.

Вагариус не знал, стоит ли надеяться на возвращение внучки или лучше перестать мучить собственное сердце. Эн Арманиус... Он много слышал о ней и от Арчибальда, и от нескольких коллег, которым она восстановила энергетический контур. Знал, что она очень талантливая, понимал, что Эн будет стараться сделать всё возможное, но... но одно дело — восстановить то, что есть, пусть и сломано, и совсем другое — вернуть исчезнувшее. Она ведь не богиня.

Вано разговаривал сам с собой, уговаривая себя перестать надеяться, но не получалось.

Эн ведь не сказала сразу, что дело безнадежное, не отказалась. Она же сообразительная девочка, стала бы заниматься тем, что не имеет смысла? Нет, конечно. Но почему тогда? Неужели она видит какую-то возможность?..

Жалея, что сам не поговорил с Эн, Вагариус заказал магмобиль и через пять минут уже выходил возле цветочной лавки Синтии Тали. Здесь было два входа: первый — в лавку, а второй — в жилые комнаты, и Вано, помешкав, всё же зашёл в первую дверь.

В нос сразу ударил запах цветов, и безопасника затошнило. Он ненавидел этот запах с тех тройных импровизированных похорон: пусть хоронить было нечего — от отца, матери и тёти Ализы остался один пепел, — традицию необходимо было соблюсти, и похороны организовал комитет безопасности, место работы обоих его родителей. Цветов тогда многочисленные знакомые и коллеги принесли море, и запах в храме, где проходил обряд прощания с усопшими, стоял удушающий.

Вано огляделся, пытаясь найти среди ваз с цветами Синтию, но её здесь не было — за прилавком стояла какая-то молодая светловолосая девушка.

— Здравствуйте, — сказала она любезно. — Чем я могу вам помочь?

— Я ищу айлу Тали, — ответил Вагариус. — Мне необходимо с ней поговорить.

— А, — кивнула девушка. — У вас, наверное, заказ на определённую дату? Да, айла Тали ведёт запись сама. Она сейчас наверху, но я её позову.

Цветочница наклонилась и нажала что-то под прилавком. Сразу после этого на втором этаже послышался негромкий перезвон колокольчика.

Сердце вновь неприятно кольнуло. Вот, сейчас, ещё минута, и бедная мама Софии всё узнает. Как ему вообще говорить ей об этом? Какими словами?

Хлопнула дверь, послышались быстрые шаги. Вано оглянулся — Синтия вышла из двери в другом конце лавки, на ходу поправляя растрепавшиеся волосы, увидела его и застыла, резко побледнев.

Женщина была очень красивой, неудивительно, что Атор положил на неё глаз. Даже сейчас, уже не такая молодая, она сохранила и прекрасную фигуру, и ровную, чуть смуглую кожу почти без морщин, и густые блестящие тёмные волосы, и большие карие глаза, в которых Вано увидел страх.

— Здравствуйте, — сказал он спокойно, наклонив голову. — Мне нужно поговорить с вами, айла Тали. Но желательно не здесь.

Синтия бледнела всё сильнее, и Ваню уже начал опасаться, что она упадёт в обморок.

— Где София? — выдохнула она, задрожав всем телом. — Где моя девочка?..

— Давайте не здесь, — попросил Вагариус, краем глаза заметив, как с любопытством косится на них помощница Синтии. — Я знаю, у вас на первом этаже есть кухня, София говорила. Лучше там.

Это было нагло, но Ваню не видел другого выхода. Не в кафе же им идти, в самом деле?

Синтия явно колебалась, не желая с ним разговаривать, но стремление узнать, что с дочерью, оказалось сильнее.

— Идёмте, — произнесла она в конце концов шёпотом. — Мэг, звони, если что.

— Да, айла Тали.

Мама Софии развернулась и пошла в другой конец лавки. Открыла небольшую дверь, которую Ваню еле рассмотрел за вазами с цветами, и зашла внутрь. Он последовал за ней и сразу оказался на кухне.

Здесь пахло уже по-другому, и от этого запаха у Вагариуса защипало глаза.

Это был запах дома. Настоящего дома, которого у него уже давно не было. Тёплый — аромат хлеба, сладкий — варенья и булочек, и терпко-горький — запах Софии. Ваню легко мог представить, как она сидит здесь, за этим столом овальной формы, накрытым бежевой скатертью, улыбается и смеётся.

— Говорите, — сказала Синтия резко, обходя стол, словно хотела использовать его в качестве защиты. — Где моя дочь? Что вы с ней сделали?

Вагариус вздохнул. Демоны, как же сложно говорить... Держать щит над порталной ловушкой и то было легче.

— София — аньян детей императора, — еле выдавил он из себя то, что было проще всего.

— Защитница, — охнула Синтия, опускаясь на ближайшую табуретку и глядя на него широко раскрытыми изумлёнными глазами. — Как же это... Она не говорила...

— Она не могла сказать. Его величество ставит печать молчания на всех служащих дворца.

— Ох...

— Сегодня утром её высочество Агата и София отправились на выставку в Императорский музей. На магмобиле. По пути они попали в порталную ловушку. — Ваню загнуло — сердце в груди билось как шальное, и говорить было невыносимо трудно. — Агата выжила благодаря Софии. Ваша дочь превратилась в абсолютный энергетический щит.

Синтия смотрела на него с ужасом, но Ваню видел, что она не понимает. Она ведь не была магом.

— Абсолютный энергетический щит — очень редкое явление. В момент опасности, если маг сильно желает кого-то спасти, он может превратиться в такой щит. Бессознательно.

— А-а-а... — Глаза Синтии наполнились слезами. — А обратно?..

— Считается, что это невозможно, — произнёс Ваню, но продолжить не успел — губы женщины задрожали, а потом она заплакала, закрыв лицо руками.

— Софи-и-и... бедная... моя... девочка-а-а...

Вагариус не выдержал — обошёл стол и встал перед Синтией на колени.

— Простите. Я не уберёг её.

Она, явно не слыша, продолжала плакать.

— Ещё не всё потеряно, — сказал Ваню громко, дотронувшись ладонью до локтя Синтии. — Энергетический щит обычно исчезает, когда минует опасность, но в этот раз он не исчез. София не исчезла. Вы слышите меня?

Рыдания стихли.

— Не... исчезла?

— Нет. Этим... вопросом занимаются в Императорском госпитале. Нам с вами сейчас нужно туда. Посмотреть на Софию и поговорить с её лечащим врачом.

Синтия подняла голову.

— С врачом? Значит, она...

— София не исчезла, — повторил Ваню. Сказать «умерла» он был не в состоянии. — Пойдёмте. Увидите всё сами.

Женщина всхлипнула.

— Девочки... Надо их с кем-то оставить... Сейчас... Свяжусь с подругой, подождите...

Вагариус кивнул и поднялся.

— Я подожду снаружи. Уладите всё и выходите. Пока закажу нам магмобиль.

— Да, хорошо, — пробормотала Синтия и, вновь всхлипнув, вытерла мокрые щёки.

Пообщавшись с Валлиусом, Арен договорился о сеансах психотерапии для жены. Поскольку врач должен был приходить во дворец, император решил запросить у Гектора подробное досье, но написать дознавателю не успел — браслет завибрировал, и Арен, поглядев на экран, понял, что связаться с ним пытается как раз Дайд.

— Мне нужно поговорить с вами, ваше величество, — сказала хмурая проекция Гектора. — И лучше прямо сейчас. Я перенесусь. С Валлиусом я уже общался, он распорядился подготовить нам с вами помещение для разговора. Палата четыреста шесть. Это...

— Рядом с Агатой. Хорошо, я иду туда и жду тебя.

Дознаватель появился через пару минут, и вид имел не просто недовольный, а очень недовольный.

— У меня две новости, — начал Гектор, как только они с императором разместились за столом в палате, и Арен на всякий случай поставил кровное заклинание глухоты на помещение. — К сожалению, обе так себе. Начну с главной. Слух о произошедшем возле музея распространяется по городу со скоростью света, и хоть официальных заявлений ещё не было, многие уже в курсе дела. И до института артефакторики этот слух дошёл в первую очередь.

Арен подобрался.

— Адриан?..

— Он сбежал, — сказал Гектор с такой яростью, словно мечтал лично свернуть племяннику императора шею. — Сбежал ещё до того, как мы пришли туда, чтобы с ним поговорить. Услышав новости, пошёл к залу для переносов, оттуда построил лифт на Дворцовую площадь, а уже с площади перенёсся дальше, демоны его знают куда.

— А постовые что? Ворон считали? — процедил император и поморщился, когда Дайд ответил:

— Адриан нацепил иллюзорный амулет. Постовые засекли только высокого темноволосого мужчину под сильным амулетом, передали дежурным в комитет, а те — уже мне. Я сразу подумал, что это может быть Адриан, но... поздно.

Что ж, теперь всё понятно.

Портальная ловушка, которая строится при помощи артефактов, заблокированная для императора возможность переноса, кровь Аарона, отца Адриана, и этот побег. Очевидно.

И как хорошо спланировал свой уход! Конечно, в институте артефакторики не обратили внимания на принца, ушедшего в зал для переносов, тем более что время было обеденное. Постовые — дежурные дознаватели на Дворцовой площади, контролирующие в том числе переносящихся через пространственные лифты, — заметили мужчину под подозрительно сильной иллюзией, сообщили для проверки, но к тому времени Адриан построил ещё

один лифт. А отследить координаты переноса на общественной площадке для лифтов — это утопия. Там их слишком много, и одна формула переноса перекрывает другую.

Однако существовал ещё кровный поиск, и сейчас Арен, закрыв глаза, прислушался к нему.

— Тварь, — прошипел он через несколько секунд. — Перенёсся на север, как можно ближе к Геенне. Это всё, что я могу сказать, Гектор. Я ощущаю Адриана очень слабо.

— Я так и знал. Пытался уже его найти обыкновенным поисковым заклинанием — демона с два. Геенна всё глушит. Поэтому и хотел с вами поскорее поговорить — думал, может, вы почувствуете.

Император покачал головой, понимая — если бы он сейчас почувствовал Адриана, то, скорее всего, до вечера племянник не дожил бы.

— Ещё кое-что, ваше величество. Виго Вамиус.

— Тоже сбежал?

— Да, причём, по-видимому, ночью. Он живёт с родителями и сестрой, накануне слежка проводила его до дома, как обычно. Оттуда Вамиус не выходил, браслет связи всю ночь молчал и по координационным показаниям находился на одном месте. Мои ребята заподозрили неладное только к полудню, но подумали — вдруг Виго просто спит так долго? Мало ли, бывает. Подождали ещё час, а потом узнали про ловушку и сразу мне отчитались. Я наведалься к Виго. Родственники его сами не знают, где он, не могут отыскать. Браслет, на который Вамиус накиннул заклинание глухоты, мы обнаружили в его комнате. В прихожей — след пространственных координат, который ведёт на городскую площадь Ритайлы*. (*Ритайла — город недалеко от столицы. — Здесь и далее примечания автора.) Ритайльские постовые зафиксировали в час ночи перенос неизвестного мужчины под слабым иллюзорным амулетом. Он спокойно сошёл с площадки и отправился в город. Дальнейший его путь неизвестен, но, скорее всего, в Ритайле Вамиуса уже нет. Либо в этом городе живёт один из членов заговора, либо бывший начальник охраны дворца нашёл где-то возможность перенестись обратно в Граагу — в любом случае он наверняка сейчас в столице.

— Значит, Виго и Адриан... — протянул император задумчиво. — Что ж, мозаика сложилась.

— Не совсем, ваше величество.

— Что? — Арен поднял брови. Гектор глядел на него, хмурясь и поджимая и так тонкие губы.

— Это мелочь, я понимаю, и совсем не доказательство. Но всё же. Виго Вамиус сбежал ночью, когда о порталной ловушке ещё никто не знал. Значит, он сам знал всё точно и понимал, что рискует быть не то что арестованным — испепелённым. Но Адриан сбежал сегодня, только после того, как услышал новости от коллег. Почему? Ваш племянник — такой трус, что должен был унести ноги одновременно с Вамиусом, если не раньше.

— Возможно, он опасался, что я догадаюсь и никуда не отпущу Агату.

— Да, такой вариант есть, — кивнул Гектор. — Но вы всё же не шаман-прорицатель, ваше величество. Учитывая характер Адриана, вы скорее подумали бы, что он где-то загулял, чем предположили покушение на свою дочь.

— Это точно, — пробормотал Арен. — Думаешь, он не знал? Тогда зачем убежал?

— Наверное, полагал, что вы не станете разбираться и просто испепелите всех, кто мог иметь отношение к порталной ловушке. И его — в первую очередь.

— Это глупо, Гектор.

— Глупо, ваше величество. Но эта глупость вполне могла прийти в голову вашему племяннику.

— Согласен. У тебя всё?

— Из срочного — всё, — подтвердил Дайд. — Остальное я доложу ближе к вечеру. Пока собираем информацию.

По дороге в госпиталь Вагариус рассказывал Синтии о том, что такое порталная ловушка. Оказалось, что она впервые слышит об этом явлении, и Ваню поблагодарил Защитника за то, что это именно так, — всё же мама Софии пока не понимала истинного масштаба трагедии и ей было проще надеяться на положительный исход, чем ему.

— Портальная ловушка — это что-то вроде магической клетки. Попавшие туда не могут перенестись пространственным лифтом, да и не успевают чаще всего — стены клетки вспыхивают огнём, и пламя стремится внутрь, сжигая всё на своём пути.

— Значит, эту ловушку создают маги? — спросила женщина испуганно. — Четыре мага?

— Нет. — Ваню покачал головой. — Четыре артефакта, установленных в четырёх углах клетки. Артефакты, конечно, делает маг. Чтобы ловушка сработала, нужен ещё порталный ключ. Пока этот ключ не попадает в определённую пространственную... э-э-э... в общем, пока он не попадает в определённую точку на местности, и он, и эти артефакты как бы спят. А как только попадает — ловушка активируется.

Синтия задумалась, морща лоб и кусая губы. Ваню не представлял, о чём она думает — наверное, всё это для неё, обычного человека, звучало очень странно.

— Получается, четыре артефакта — в углах клетки, а ключ — внутри. Да?

— Да.

— А как он попадает внутрь?

— Чаще всего порталный ключ подкладывается тому, на кого рассчитана ловушка. В этот раз, я думаю, он был у охранника её высочества. Подложить что-то, например, в аптечку, проще всего. Агата и София на магмобиле доехали до нужной точки, ключ активировался, ловушка сработала.

— Ясно, — пробормотала Синтия, опуская глаза. Она вообще старалась лишний раз не смотреть на Вагариуса, а если всё же смотрела, то быстро отводила взгляд, бледнея. — А... Получается, это нельзя обнаружить заранее? Ключ, артефакты...

— Ключ нельзя. Ну, если только знать точно, что вот на этом предмете есть формула порталной ловушки. А артефакты обнаружить можно, на расстоянии примерно в метр они начинают фонить силой, и это засекают другие артефакты, если проверять местность.

— Не проверяли?

Ваню грустно усмехнулся.

— Проверяли. Но мы проверяли улицу, на которой стоит Императорский музей. А артефакты для порталной ловушки были заложены на соседние улицы, из-за чего при активации они снесли четыре жилых дома.

Вот теперь она посмотрела на него.

— Четыре дома?!

— Да.

— Это... — Синтия запнулась, голос её внезапно осип, — сколько же погибших?

— Много. Точной цифры я пока не знаю, но предполагаю, что не меньше двухсот человек.

— Защитница, — прошептала она с ужасом. — Неужели это всё только для того, чтобы убить наследницу?

— Это для того, чтобы убить императора. Не физически, так морально. — Магмобиль остановился, и Ваню посмотрел в окно. — Выходим, приехали.

Возле двери в палату, где находилась Агата, стояли четыре охранника, и Синтия, пока шла по коридору, всё сильнее сжималась и втягивала голову в плечи. Ей явно было не по себе.

— Мы хотели бы поговорить с лечащим врачом, — обратился Ваню к старшему из охранников. — Передайте, пожалуйста, айле Арманиус, что пришли родственники аньян её высочества.

Мужчина на пару мгновений заглянул в палату, а затем кивнул Вагариусу.

— Проходите.

Ваню не ожидал, что Эн пустит их настолько быстро, поэтому слегка напрягся. Какотреагирует Синтия, когда увидит, что стало с Софией? Он так и не понял, осознала ли она, что произошло с её дочерью.

Эн стояла возле койки, держась одной рукой за спинку, когда Ваню и Синтия зашли в палату. На столе позади неё безопасник заметил какие-то книги, тетради, листы бумаги, на одном из которых был зарисован кокон энергетического щита.

— Здравствуйте, — сказала девушка. Вагариус тоже негромко поздоровался, косясь на Синтию — не упадёт ли в обморок?

Она не падала. Бледная, как снег, смотрела на сияющий контур вокруг тела Агаты и дрожала.

— Софи... — прошептала, делая шаг вперёд, словно намеревалась подойти, но была остановлена мягким, решительным голосом Эн.

— Не трогайте, пожалуйста. Обожжётесь.

Только после этого Синтия обратила внимание на врача.

— Это... это и есть щит, да? То, во что превратилась моя девочка?

— Да, — ответила Эн, кивая на стулья возле стола. — Садитесь, пожалуйста. И вы, айл Вагариус, тоже. Кстати, охранник сказал, что пришли родственники. То есть вы оба?

— Оба, — сказал Ваню, усаживая Синтию, но сам садиться не стал, застыв рядом. — Айла Синтия Тали — мама Софии, а я её бабушка.

— Очень хорошо. — Кажется, Эн обрадовалась. — После нашего с вами разговора пойдёте в процедурную, сдадите кровь.

— Зачем? — уточнил Вагариус.

— Я собираюсь использовать кровные артефакты. Кровь Софии достать невозможно, так хотя бы ближайших родственников. Отец её, как я понимаю...

— Он умер. — Ваню перевёл глаза на Синтию, которая продолжала изучать фигурку Агаты в коконе щита. — Вы думаете, что-то можно сделать?

Эн тоже взглянула на Синтию, чуть слышно вздохнула, а затем громко произнесла:

— Айла Тали, посмотрите на меня.

Мама Софии, вздрогнув, подняла голову.

— Я хочу, чтобы в первую очередь вы услышали то, что я сейчас скажу, — продолжила Эн тише и гораздо мягче. — Услышали и поняли. Я постараюсь говорить проще — вижу, что вы не маг. Если что-то всё равно будет неясно, спрашивайте меня, хорошо?

Синтия неуверенно кивнула. На Эн она смотрела так, будто девушка была самой Защитницей.

— Вы спросили, можно ли что-то сделать. Что-то сделать всегда можно. Не бывает такого, чтобы совсем ничего нельзя было предпринять. Но хорошего результата это не гарантирует главным образом потому, что подобная ситуация уникальна. Впервые в истории абсолютный энергетический щит не иссяк сразу после использования. Соответственно, мне в своих врачебных изысканиях почти не на что опереться.

— Но как же тогда... — прошептала Синтия, и Эн пояснила:

— «Почти» — это ещё не «совсем». Щит контурный, а знаний об энергетических контурах у меня достаточно.

— Значит, шанс есть? — не выдержал Ваню. Он понимал, что слишком торопится, задавая подобный вопрос, но так хотелось услышать «да»!

— Скажите, айл Вагариус... когда вы увидели этот щит, почему сразу решили, что перед вами София? — ответила Эн вопросом на вопрос. Безопасник на секунду замешкался.

— Я... не знаю, — произнёс он немного растерянно. — Просто сразу понял.

— Я задавала этот вопрос императору и Дайду, — продолжала девушка. — Оба ответили то же самое. Император толком и внимания не обратил на мой вопрос, Гектор весьма озадачился, но у обоих не было времени рассуждать.

— Я тоже чувствую, что это София, — вмешалась Синтия, и Ваню заметил, что она чуть порозовела. Да, этот разговор явно шёл ей на пользу. — Не знаю, может, оттого, что... айл Вагариус сказал... Но я чувствую, правда.

— Вы все её знали, — сказала Эн. — Поэтому определили сразу и безошибочно. В конце концов, если бы София вошла сюда... м-м-м... обладая телом, вы бы тоже сразу поняли, что это она, и ни с кем не перепутали бы. Но вот я... я её не знала. Наверное, именно поэтому я ощущаю всё несколько острее. Здесь, — девушка кивнула на Агату, — не один человек. Не только её высочество. Я не могу безошибочно определить, как определили вы, что это именно София. Просто чувствую, что здесь есть ещё один человек.

Ваню и Синтия удивлённо молчали. Они понимали, что хочет сказать им Эн, но до конца не осознавали, как это связано с лечением.

— Я никогда не видела энергетический контур отдельно от человеческого тела, как сейчас. Но я видела погасшие контуры и у живых людей, и у мёртвых. Мёртвый человек не ощущается так, как сейчас ощущается София. Понимаете? Вы чувствуете её живой. И я чувствую. Только тела нет.

А ведь действительно...

Вагариус вновь взглянул на контур, понимая теперь, почему Эн взялась за дело, казавшееся безнадежным. Он тоже видел умерших людей и знал, что от них идёт энергетический холод.

София — точнее, её контур — был тёплым, как контур живого человека.

— Этот эффект возникает из-за того, что Софию держит её высочество? — спросил Ваню негромко, боясь услышать ответ.

— Нет, айл Вагариус. Агата только не даёт ему погаснуть, да и держит она его, потому что тоже ощущает Софию. Думаю, ощущает ещё более живой, чем мы.

Эн посмотрела на койку, где лежала принцесса, и улыбнулась.

— Она сейчас сказала: «Да!»

— Её высочество... говорит с вами? — выдохнула Синтия. — Мысленно?

— Говорит. Она мне вообще уже много всего рассказала, — Эн улыбнулась шире. — У меня были вопросы к Агате по поводу ощущений от удерживания контура. И она подтвердила мои догадки, сказав, что чувствует Софию очень живой и тёплой — как будто ваша дочь её обнимает. Только тела нет, — повторила Эн. — Но я постараюсь что-нибудь придумать, обещаю. А сейчас, пожалуйста, идите в процедурную, сдайте кровь, она точно пригодится.

— А потом... можно прийти сюда? — спросила Синтия робко. — Я бы хотела немного побыть здесь. Если вы не возражаете.

— Не возражаю. Только вам, айл Вагариус, лучше вернуться в палату. Насколько я помню, вас сегодня доставили с сердечным приступом и магическим перенапряжением.

Поймав удивлённый взгляд Синтии, Ваню чуть улыбнулся и успокаивающе погладил женщину по плечу. К его радости, она не отшатнулась, даже не вздрогнула.

— Верно, Эн. Я сдам кровь и вновь лягу, не переживайте.

— Отлично. А вы, айла Тали, после процедурной сходите в столовую. Обед уже закончился, но вас накормят. Скажете только, что так велел замглавврача.

— Замглавврача? А это кто?

— Это я, — ответила Эн, усмехнувшись.

Звукоизоляция в госпитале была отличная — чтобы не мешать больным отсыпаться, пока по коридору круглосуточно кто-то бегают и гремит, — и тишина в палате за закрытой дверью казалась Виктории просто оглушительной. А ещё — вязкой, неприятной, словно болото, в котором можно задохнуться и утонуть.

Находиться здесь в одиночестве было мучительно. Но Виктория почему-то не ощущала привычного раздражения. Ей было тоскливо, хотелось плакать и даже выть, как раненой волчице, но злости она не чувствовала. Да и на кого злиться? На Арена, что запер её здесь? Ну так для её же блага, да и ненадолго, скоро обратно во дворец. На лечащего врача, который задавал вопросы вежливым до тошноты голосом и фиксировал ответы в блокноте? Он просто выполнял свою работу.

А может, злиться стоило на себя?

Виктория всхлипнула и прижала ладони к щекам. Да, только на себя и стоило бы злиться. Это ведь она сказала за столом про поездку на выставку, она! Дура, где были её мозги?! Если бы не София...

София.

Подумав об аньян, Виктория всё же расплакалась, толком не понимая почему. Ревновала ведь ужасно, ещё накануне страшно злилась, и утром тоже. Но сейчас ревность даже головы не поднимала — то ли умерла в ней, то ли переродилась во что-то другое.

Софию было жаль. Виктория не знала, обоснована её ревность или нет — теперь ей казалось, что скорее нет, чем да, но это всё равно. Всё равно! В любом случае — смерти София не заслужила, и ещё она действительно любила Агату с Александром. Даже абсолютным щитом смогла стать... А ведь для этого нужно по-настоящему искреннее чувство.

И как теперь будет Агата?.. Бедная её девочка! Она ведь будет жить, понимая, что София умерла за неё. Конечно, Агата не виновата, но разве от этого легче?

Виктория вздыхала, вытирая слёзы рукавом платья, что совсем не подобало делать императрице, но она себя ею сейчас и не чувствовала. Она чувствовала себя до ужаса несчастной, и почему-то — очень-очень виноватой перед всеми. И не только потому, что сказала про выставку за обедом, а просто из-за самого факта своего существования на этом свете.

Лучше бы она ехала в том магмобиле с Агатой и стала энергетическим щитом, а София осталась жива.

Виктория всхлипнула и потянулась за стаканом с водой.

Энергетическим щитом? Нет, она никогда не смогла бы им стать. Не настолько у неё чистая душа.

Глава 3

Проводив Викторию во дворец и убедившись, что всё в порядке и с Анной, и с Александром, император решил ещё раз зайти к Эн.

День начинал клониться к закату, и когда Арен вошёл в палату, помещение было залито ярко-оранжевым солнечным светом. Удивительно для такого пасмурного дня, каким выдался сегодняшний. Но к вечеру распогодилось, небо поглубело, тучи разошлись, остался лишь ветер — холодный, резкий и неприятный. Правда, император об этом ветре не имел ни малейшего понятия — с того момента, как они с Эн перенесли в госпиталь, он не выходил на улицу.

На стуле возле Агаты сидела женщина, и как только Арен открыл дверь и шагнул внутрь, она вскочила, испуганно глядя на него, и неловко поклонилась.

— Ваше величество...

— Садитесь, айла Тали, — сказал император. Женщина медленно опустилась на стул, нервно сглатывая и не отрывая от него напряжённого, полного опаски взгляда.

Арен подошёл ближе, наклонился и поцеловал дрогнувшую руку.

— Спасибо вам, — произнёс он тихо, не спеша выпрямиться. — За Софи. Независимо от того, что случится дальше, я обещаю — вы никогда не будете нуждаться.

Несколько мгновений император смотрел в смятенные глаза айлы Тали, не выпуская из своей ладони её руку. Женщина молчала, быстро-быстро моргала, словно боялась расплакаться, и Арен, чтобы не смущать её ещё больше, всё же выпрямился и повернулся к Эн.

— Тебе есть что сказать мне? — обратился он к девушке, которая что-то стремительно записывала на листке бумаги, не поднимая головы.

— Угу, — кивнула Эн. Оторвалась от своего увлекательного занятия и, вздохнув, произнесла, глядя на маму Софии: — Побудьте здесь несколько минут, пожалуйста, айла Тали. А я пока пообщаюсь с его величеством.

Арен сразу понял, что Эн не хочет разговаривать при Агате, и кивнул.

— В соседней палате можно.

Девушка поднялась, и они проследовали в соседнюю комнату, где Эн, не садясь, сразу быстро заговорила:

— Консилиум назначен завтра на полдень. Мне нужно, чтобы вы пришли раньше, хотя бы к одиннадцати, а лучше к десяти. Я расскажу обо всём, что смогу разработать. Консилиум имеет смысл проводить только в том случае, если вы согласитесь меня поддержать.

— Я согласен, — сказал Арен спокойно, и Эн покачала головой.

— Завтра, ваше величество. Решите завтра, после того как всё услышите.

— Хорошо, — согласился император так же спокойно. Он мог бы возразить, что согласен на всё, не согласен только рисковать жизнью Агаты, но у него не было сил на пустые препирательства.

— Вас самого врачи-то смотрели? — поинтересовалась Эн, мгновение помешкав. — Или?..

— Нет.

— Вы же не бессмертный, — сказала она укоризненно. — У Вагариуса был сердечный приступ, не хватает только, чтобы и у вас он случился. Это ведь десять минут, ваше величество.

— У меня нет десяти минут. Ты что-то ещё хотела сказать или это всё, Эн?

Кажется, она рассердилась.

— Так нельзя, понимаете? Если вы свалитесь, уже никого не спасёте, ни Софию, ни Агату, ни Альганну. Вы хоть ели?

Арен промолчал. В любой другой день ему было бы смешно, что Эн настолько беспокоится, да и странно тоже. Он до сих пор не мог понять, почему её прежняя ненависть к нему так и не вернулась.

— Ясно. И не ели. Да вы так сами себя угробите, без помощи заговорщиков, — продолжала возмущаться Эн. — Вот они рады-то будут!

— Этого и добиваются.

— Что? — Она нахмурилась.

— Убить императора очень сложно. — Демоны, как же трудно говорить, в груди будто камень вместо сердца. — Есть способы, конечно, но они сопряжены с огромным риском, а главное — с человеческими жертвами. Жертвами среди заговорщиков. Куда проще, если император угробит, как ты выразилась, себя сам. Сойдёт с ума, например. Или просто будет настолько деморализован, что не сможет удерживать Венец. На это нужны силы, Эн, и не только магические.

— Тем более! — Она даже покраснела от негодования. — Так, всё. Сейчас пойдём в смотровую, и я вас сама обследую. Это пять минут! А потом в столовую. И сама поем, и вы тоже поедите.

— В смотровую — согласен, — уронил Арен тяжело. — В столовую — нет. Я потом поужинаю. Не переживай.

Эн пытала и словно пыталась просверлить его разгневанным взглядом. Но в конце концов сдалась и проворчала, делая шаг к двери:

— Она была бы недовольна вашим поведением.

— Кто?

— София.

Арен на секунду закрыл глаза, пережидая удушье и приступ боли в груди.

— Верни её мне, — попросил он тихо и хрипло, останавливая Эн коротким прикосновением к плечу. — Пожалуйста. Верни.

— Я постараюсь, — ответила она так же тихо, замерев возле двери. — Обещаю.

Арен ещё раз осторожно погладил девушку по плечу, а затем они вышли из палаты.

Слава Защитнице, с императором всё оказалось в порядке, и Эн, быстро перекусив в столовой, вновь отправилась к принцессе. Прежде, чем идти домой, нужно было сделать кое-что ещё.

— Ну и где ты гуляешь? — пробурчал Рон Янг, увидев девушку. Эн ещё днём попросила его прийти в госпиталь сразу после работы. — Я тебя уже ждался. В палату эти изверги меня не пускают. — Он покосился на невозмутимых охранников. — Говорят, либо император должен указание дать, либо ты. Практически приравняли тебя к его величеству.

Эн фыркнула.

— Ужинала я. Пошли, Рон. Ребята, он со мной.

— Ужинала она... А я вот не ужинал, — пожаловался друг, но тут же запнулся и замер, увидев сияние абсолютного контурного щита. На сидящую рядом с койкой Синтию он даже внимания не обратил. — Защитник...

— Спасибо вам, айла Тали, — сказала Эн, вежливо улыбнувшись женщине. — Вы можете идти. Вам, наверное, уже нужно возвращаться?

— Да. — Женщина кивнула, засуетившись. — Я пойду, надо забрать дочек у подруги... А завтра можно будет прийти к Софии?

— Конечно. Но не раньше полудня.

Эн проводила глазами Синтию и, дождавшись, когда дверь в палату закроется, обратилась к Рону, который всё это время, застыв каменным изваянием, стоял посреди комнаты и смотрел на принцессу в коконе энергетического щита.

— Ро-о-он... Отомри.

Он громко выдохнул.

— Эн... это невероятно...

— Согласна. Но я тебя сюда позвала не для того, чтобы щит рассматривать. Мне...

— Демоны! — Рон взъерошил волосы и улыбнулся шальной улыбкой. — И ведь я даже обсудить с тобой ничего сейчас не могу из-за этой печати молчания! Хотя во дворец переносись.

Теперь пришла очередь Эн замирать и удивлённо таращить глаза.

Потом девушка нахмурилась и вновь посмотрела на Агату в коконе. Затем на Рона. И опять на Агату.

Постепенно выражение её лица менялось, становилось понимающим.

— А-а-а... Нет, но как... Это ведь бессознательный характер применения...

— Значит, придумали что-то, чтобы был сознательный! Поэтому не свет, а огонь.

— Похоже... Но, Рон... — Эн помотала головой. — Давай потом это обсудим, хорошо? Сейчас я про другое. Ты можешь к утру понедельника сделать мне пять связных игл*? Кровных. Органических.

(*Связные иглы — артефакты для установления связи между двумя объектами. Кровные — на крови. Органические — способные к растворению в тканях человеческого организма.)

— Пять?! Зачем столько? Обычно же нужна одна игла.

— Если тело всё-таки появится от моих, — Эн вздохнула, — манипуляций, то думаю, что отдельно от контура. Его нужно будет пришить, и я хочу использовать принцип связного-артефакта. И оставить иглы в теле, как ты когда-то сделал с Бертом.

— В этом есть смысл, — протянул Рон. — Пять — по числу конечностей плюс голова?

— Да.

— Ладно, сделаю.

— Спасибо. Нужно на крови трёх человек. Двое уже сдали, сейчас отдам пробирки, а у третьего я завтра сама кровь возьму.

— Император? — уточнил Рон понимающе, и Эн кивнула.

Арен поддался на уговоры Эн по одной простой причине.

Он прекрасно помнил, как отец после смерти матери сообщил, что начал ощущать тяжёлую собственную голову. «Венец давит, — так он тогда объяснил. — Чтобы его удерживать, нужна не только магия. Горе делает волю слабее, разрушает тебя изнутри, а что разрушено изнутри, то гнилое. На гнилом ничего не держится».

С середины дня Арэн стал ощущать нечто похожее, какую-то тяжесть на лбу и в висках. Словно он носил головной убор, который был меньше нужного на несколько размеров и поэтому давил со всех сторон.

Эн сказала, что всё нормально. Значит, проблема только в моральном состоянии, но Арэн не представлял, как это исправить. Он просто старался не думать слишком много, не отчаиваться и заниматься делом. Дела отвлекали его от мыслей. Так было всегда.

Вот и сейчас — Гектор написал, что готов доложить о расследовании, и Арэн отправил ему в ответ зелёный сигнал, попросив сразу перенестись во дворец. Пообщается с Дайдом и пойдёт к Виктории с Алексом.

С момента их последнего разговора главный дознаватель, увы, не повеселел.

— Начну с мелочи, — сказал он сразу, как только они сели на диван в кабинете Арена и Гектор положил перед императором небольшую папку. — Вы просили собрать досье на лечащего психотерапевта Виктории, мои ребята порылись, я тоже посмотрел. Чисто, я бы сказал, девственно. Валлиус ручался. Да и не аристократ он.

— Ещё немного — и я действительно начну избегать титулованных, — пробормотал Арен, взяв папку. — Спасибо, Гектор, я посмотрю.

Дознаватель кивнул и продолжил:

— Теперь о покушении. Около полудня Агата, София, охранники и водитель садятся в магмобиль и едут к Императорскому музею, куда можно попасть только одним путём, объезд исключён. Через десять минут они попадают в порталную ловушку. Вопрос первый — откуда к заговорщикам пришла информация о посещении наследницей музея? Руководство было не в курсе, их не оповещали, это ведь не входит в рамки официального мероприятия. Знали немногие, и информация могла прийти, на мой взгляд, с двух фронтов. Ваша жена упомянула эту поездку во время обеда — первый фронт, а второй — охрана. Как бы Вагариус ни старался обезопасить и засекретить предстоящее мероприятие, в сопровождении было слишком много охранников, и незамеченными их приготовления оказаться не могли. Тем более что дежурного охранника срочно заменили Дэйвом — это вообще прямое указание на то, что планируется какая-то поездка. Подробности до наших заговорщиков могли не дойти, но этого и не требовалось. Время для срабатывания порталной ловушки значения не имеет — только место.

— Значит, ты считаешь, что и здесь замешаны мои родственники? — спросил Арен прямо. — Не учитывая того факта, что Адриан сбежал.

— Я считаю, что это однозначно. Просто потому что больше неоткуда было взять информацию об Императорском музее — только со слов её величества. Никто из охранников, даже Дэйв, не знал, куда именно поедет наследница. Водителям Вагариус сообщил только утром, перед выездом. Да, улицу патрулировали, но ведь туда должна была поехать императрица. По этой же причине охраняли сам музей.

— Не нужно было пускать Агату... — пробормотал Арен.

— Не вините себя. Покушение действительно невозможно было предусмотреть. Закладывать артефакты на соседние улицы, понимая, что вместе с наследницей погибнут и другие люди... Это преступление не только против вас — против всей страны. В числе погибших есть и аристократы, немного, но есть. И если раньше идеи заговорщиков находили поддержку среди титулованных, то после сегодняшних событий симпатий стало на порядок меньше.

— Они думали, что в этот раз достигнут цели, поэтому и решили сыграть по-крупному, поставить на кон всё что есть. Демоны, я уже как Аарон стал говорить.

— Да, ваш брат был игроком, но игроки проигрывают, ваше величество. Он проиграл. И эти... последователи... тоже. Получилось так, что они сыграли против самих себя. И цели не достигли, и людей, в том числе аристократов, повернули в вашу сторону.

— Как бы теперь стычки не начались. — Арен покачал головой. — Ситуация и так патовая, а они ещё добавили. Сколько погибших?

— Двести шесть.

— Защитник...

— Не считая Софию, ваше величество.

Сердце кольнуло, и император поморщился.

— Ясно. Что ж, давай дальше.

— Кто-то, кто присутствовал на том обеде, — продолжил Дайд, — дал заговорщикам информацию. Артефакты могли изготовить и не во дворце, а вот порталный ключ требовалось подсунуть кому-то, кто ехал сегодня с Агатой. Это явно была задача Виго, раз он так оперативно сбежал. Проще всего что-то подложить своим же коллегам-охранникам. Раздевалка у них общая, аптечки и форму они оставляют там же, причём ящики не закрывают

— а зачем, если нечего красть? За это их ещё и ваш новый начальник охраны взгреет. Амулеты-то закрыты, но и остальное нужно обезопасить. Аптечки и амулеты проверяются перед каждой сменой, чтобы всё было в наличии и исправно. Достаточно было просто заменить что-то из содержимого аптечки — любой пузырёк с лекарством или блистер с таблетками, да хоть шприц, неважно. Формулу портальной ловушки можно записать на любом предмете.

— Понятно. — Арен потёр ноющие виски. — Роль Виго здесь ясна. Думаешь, в прошлый раз, когда Агату пытались отравить, это он заходил в комнату Софии, а оттуда в детскую?

— Полагаю, что да, ваше величество.

— Я никогда не ощущал от него ни ненависти, ни презрения, — сказал Арен задумчиво. — Но ладно — ненависть... хоть какой-то негатив должен быть. Если только Аарон научил его справляться с этим.

— Простите, ваше величество... — Гектор чуть наклонил голову. — Но, на мой взгляд, вы, как и все эмпаты, чересчур полагаетесь на свою эмпатию. Можно быть преданным идее, но не испытывать ненависти и презрения к тем, кто ей не предан. Можно испытывать неприязнь, но тем не менее не предавать и не пытаться убить. Я думаю, Вамиус не чувствовал к вам ничего, ваше величество. Он служил сначала Аарону, затем — тому, кого ваш брат оставил после себя. Вас он не ненавидел. Вы же не ненавидите сорняк, который собирается выполоть?

— Он боялся, — вспомнил вдруг Арен. — Иногда и совсем немного. Когда я злился, он боялся.

— Ну, это не удивительно. Когда вы злитесь, и я боюсь.

— Нет, Гектор. Ты никогда не боялся меня. Ты боялся за меня — тогда, на площади. Но мы отвлеклись. Давай дальше.

— Артефакты, заложенные в четырёх углах ловушки, сгорели дотла, мы не нашли даже частичек. Но нашли другие артефакты, из-за которых вы не смогли сразу перенестись к Императорскому музею. Это был действительно умный ход — если бы не эти артефакты, возможно, вы успели бы спасти хотя бы Агату с Софией и Дэйвом.

Впервые за последние несколько часов Арену захотелось кого-нибудь убить — он вспомнил, как раз за разом строил пространственные лифты к Императорскому музею. Для обычных людей перенос в черте города был разрешён лишь на специальные площадки, но император мог перенестись куда угодно. Подобная возможность закладывалась в артефакты, которыми блокировался перенос в черте города, — носитель Венца прописывался как исключение из общего правила.

— Как им это удалось?

— Обыкновенные артефакты пространственной блокировки, но не для всех, а конкретно для носителя Венца. Усилены кровью вашего брата. Если бы не это, они бы так долго не выдержали. Пару минут всё же продержались. И перенеслись вы не потому, что нашли незаблокированную точку, а потому что артефакты не выдержали, сломались. Кровь Аарона, конечно, это кровь Альго, но вы сильнее.

— Двух минут там было достаточно. Я всё равно опоздал.

— Двух минут должно было хватить Дэйву для построения нейтрализатора. И на нём, и на Софии, и на Агате были щитовые амулеты Ваню. Объединившись, они дали охраннику дополнительное время. Но... амулет-нейтрализатор с вашей кровью оказался неисправен.

Арен посмотрел на Гектора с удивлением.

— Откуда ты это знаешь? Дэйв погиб, Агату ты не опрашивал. Откуда?

Дайд вздохнул и заговорил с неожиданной злостью:

— Потому что они все неисправны, ваше величество. Все до единого! Пусть ваш брат вечно горит в огне Геенны, а Виго пусть пожрут все её демоны! — Дознаватель вздохнул ещё раз, ноздри его расширились, а затем он сказал уже тихо и почти спокойно: — Прошу меня извинить.

— Ничего, — ответил Арен ровно. — Продолжай.

— Амулеты-нейтрализаторы с каплей вашей крови выдаются охранникам при необходимости, после окончания смены сдаются и хранятся в сейфе в кабинете начальника охраны. Эти амулеты выдаёт либо сам начальник, либо его заместители. Чтобы было понятно, в рабочем состоянии амулет или нет, в них встроены красные кристаллы — они светятся, если внутри амулета живая кровь императора, которую можно использовать для нейтрализации чего угодно, в том числе портальной ловушки. Всего таких амулетов десять штук, считая тот, что был у Дэйва. И все светятся. Тем не менее — они неисправны.

— Каким образом это достигается?

— Очень хитрым, что доказывает нам — среди заговорщиков есть искусный артефактор. Мои ребята сейчас опрашивают арестованных, возможно, кто-то что-то знает, ведь амулеты были заменены на бракованные ещё при Аароне. Сейчас сделать это никто не успел бы. А ваш брат мог заменять их постепенно, по одному, безо всякой определённой цели — просто надеясь на то, что когда-нибудь они пригодятся и очень вовремя не сработают. Что же касается способа... В вашу кровь была добавлена частичка крови Аарона. Очень маленькая частичка. Для того чтобы амулет перестал светиться, этого оказалось недостаточно, а вот чтобы он не сработал — да. При нейтрализации нужна чистая кровь, а не разбавленная.

— Вот же гнида, — покачал головой Арен. — Рильо накануне говорил, что всё, выданное при Аароне, следует заменить. Он даже начал это делать, но до нейтрализаторов не добрался.

— Такие амулеты за три дня не делаются, ваше величество, и даже если бы добрался — их не успели бы подготовить к выставке.

— Получается, последователи моего брата знали о том, что он заменил амулеты, и воспользовались этим знанием. Действительно, хитро... Но я не думаю, что среди арестованных есть артефактор, который делал бракованные нейтрализаторы. Полагаю, он принадлежит к новой волне заговорщиков.

— Да, скорее всего. Иначе информация уже всплыла бы. После смерти Аарона большинство его соратников, опасаясь за свою жизнь, предпочли как можно быстрее рассказать всё, что им известно. Кроме того... вы же помните мою версию об участии в заговоре Арвена Ассириуса? Он прекрасный артефактор, один из лучших.

— Помню. Но наличие в деле большого количества уникальных артефактов не доказательство, Гектор. С тем же успехом их мог сделать мой племянник. Просто из вредности и желания насолить.

— Кстати, насчёт Адриана... Я никого за ним не отправлял. Отправить?

— Нет. Если он окажется чуть дальше от Геенны, я почувствую, тогда и решим. А сейчас это всё равно что искать иголку в стоге сена. Дознаватели нужнее здесь.

Дайд согласно кивнул.

— Да, ваше величество. У меня пока всё.

— Завтра Эн расскажет мне, что планирует делать дальше, затем соберётся врачебный консилиум. Не знаю, сколько это займёт времени. Но после зайдёшь, доложишь, как идут дела. В первую очередь — с поиском Виги.

— Да, ваше величество, — повторил Гектор со спокойной обречённостью человека, который знает, что спать ему сегодня не придётся.

После того как Арен перенёс Викторию обратно во дворец, она весь день провела с Александром, Анной и её дочерью Адель. Наверное, если бы не они, императрица так и не смогла бы отделаться от навязчивых печальных мыслей о случившемся, но дети не давали на них сосредоточиться. Алекс, конечно, спрашивал про Агату с Софией, и Виктория, не представляя, как

лучше ответить, сказала, что его сестра и аньян пока задерживаются на выставке. Может, завтра утром Агата вернётся во дворец и врать Алексу не понадобится вовсе?

А ещё Виктории почему-то весь день казалось, что Анна смотрит на неё с осуждением, но спрашивать, в чём дело, она так и не решилась. Вдруг действительно кажется? Или сестра Арена тоже думает о том, что это именно Виктория сказала про выставку за обедом?..

Ненадолго, ближе к вечеру, забежал Арчибалд. Поиграл с Александром и, сообщив, что скоро перенесётся на север, где ночью должна проснуться Геенна, ушёл.

— Пастилы пливезёшь? — поинтересовался Алекс, глядя на дядю с любопытством. Геенна для него пока была не более чем игрой, он ещё не понимал, что Арчибалд может и не вернуться. В отличие от Агаты, которая поняла это уже давно.

Агата... Как там её девочка? Думая о ней, Виктория вздыхала и очень старалась не плакать. Сказал ли Арен правду и с их дочерью на самом деле всё хорошо? Или он скрыл что-то, поэтому Агата и не возвращается во дворец?

— Брат скоро придёт, — произнесла Анна, бросив взгляд на браслет связи. — Написал мне, что сейчас поговорит с Гектором, а потом перенесётся.

Виктории вновь захотелось плакать, и она изо всех сил сжала зубы, чтобы не разреветься. Ей-то Арен ничего не написал...

Злости не было, да и обиды почему-то тоже. Просто боль, ясная и резкая, от понимания того, что она ему совершенно не нужна. Нужна только как мать Агаты и Александра, но не как... любимая женщина. И Арен с ней общается лишь по необходимости, и никогда — по желанию. Так было всегда.

«Врёшь, — подумала вдруг Виктория. — Сама себе врёшь. Забыла, как он приходил к тебе в первые два месяца после свадьбы? Каждый вечер приходил. Уставший, замученный. Не всегда оставался на ночь, но всегда сажал тебя на колени и что-нибудь спрашивал, и слушал твои ответы. Разве не было такого?»

Было. И Виктория, вспомнив то время, замерла от нежности и желания вернуть его. Она тогда ещё стеснялась Арена, и он постепенно приручал её, стараясь сделать так, чтобы жена привыкла не только к разговорам, но и к прикосновениям. Ведь до свадьбы он Викторию почти не трогал, а тут вдруг... всё так резко... Странно и неловко. Она помнила, как поначалу застывала на его коленях, но потом расслаблялась. И совсем скоро начала ждать вечера с нетерпением — ей нравилось и разговаривать с Ареном, и касаться его, и ощущать прикосновения мужа. После первой брачной ночи он не позволял себе ничего, кроме поцелуев, первую неделю, а потом...

Ох, как же сладко было потом! Ещё слаще, чем в первый раз. А началось всё с рассказа о практике в оранжерее, во время которого Арен вдруг стал расстёгивать Виктории платье на груди.

— Продолжай, Вик, — сказал он невозмутимо, когда она запнулась. — Я слушаю.

Продолжать толком не вышло — как тут продолжишь, когда горячие губы целуют шею и грудь, а нежные руки расплетают косу, лаская затылок.

— Ты... хочешь...

— Хочу. Но главное, чтобы хотела ты. Если тебе не понравится, я почувствую.

Ей нравилось. Ох, как же ей нравилось! Особенно нравилось ощущать его в себе, потому что это давало иллюзию того, что Арен принадлежит ей, и только ей. Он — такой замечательный, сильный и красивый, — её муж. Виктории доставляла удовольствие эта мысль.

— Папа! — воскликнул Александр, и императрица отвлеклась от воспоминаний, обернувшись к камину.

Арен вышел из огня, и Виктория закусила губу, наблюдая за тем, как он медленно идёт навстречу сыну и малышке Адель, подхватывает их на руки, прижимает к себе и ласково целует обоих в макушки, вздыхая и закрывая глаза.

Муж не улыбался. И вообще выглядел так, словно только что всех похоронил.

— Рассказывайте, как прошёл день.

— А я думал, ты с Агатой и Софи плидёшь, — пожаловался Алекс, болтая ногами. Адель молчала, с интересом щупая золотые пуговицы на мундире Арена. — А где они и когда плидут?

— Агата и Софи ненадолго уехали, но скоро вернутся, — ответил император ровным голосом, который даже не дрогнул от этой лжи. — И привезут вам с Адель подарок.

— Да-а-а? — Кажется, мальчик никак не мог определиться, радоваться или огорчаться. — А... почему без меня? И без Адель?

— Вы ещё маленькие. Быстро устанете.

— Вот так всегда, — вздохнул ребёнок. — Как что-то интелесное, так я маленький.

— Наоборот, Алекс. Всё самое интересное — маленьким, а тем, кто побольше, остаётся только скучать. — Арен на секунду оторвался от диалога с детьми и посмотрел на сестру. — Ани, можешь идти. Адель давно пора спать.

— Мы ждали тебя, — сказала Анна мягко и, подойдя ближе, обняла императора. — Очень ждали, Арен.

Виктория заморгала, вновь изо всех сил пытаясь не разрыдаться. Что же она такая дура?.. Почему сама не подошла к мужу, не обняла?.. Даже не подумала!

— Иди, — повторил император, передавая Анне на руки Адель. — Я завтра зайду. Сегодня не смогу.

— Я понимаю, — ответила она с той же мягкостью и, на мгновение коснувшись ладонью щеки брата, всё же направилась к выходу из детской.

Как только Анна вышла, Александр широко зевнул, и Арен, внимательно поглядев на ребёнка, заключил:

— Тебе тоже пора спать.

— Не-е-е, — заканючил наследник. — Ты только плишёл! Давай поиграем. Постлоим галаж для магмобилей.

— Недолго, Алекс. А потом спать.

— Холошо!

Виктория, пока они играли, сидела рядом и смотрела на Арена. Иногда сын подбегал к ней что-то показывать, но она толком не слушала — глядела на мужа.

Такой уставший, почти мёртвый. Так хотелось сказать или сделать что-то, чтобы ему стало легче. Но что она может? Да ему и не надо от неё ничего.

Через полчаса Александр уснул среди игрушек, и император, подняв сына, негромко сказал, бросив на Викторию короткий взгляд:

— Я помогу ему умыться и уложу. Иди спать, Вик, ты тоже устала.

— Ты... — Спрашивать было неловко и почему-то стыдно. — Ты потом зайдёшь ко мне?

— Не сегодня, — ответил Арен спокойно и ушёл в ванную с Алексом на руках.

Несколько секунд Виктория стояла посреди детской с таким чувством, будто муж в неё плюнул, и больше всего на свете ей хотелось упасть на пол и зарыдать.

Но постепенно, по капле, это желание проходило.

«Он просто устал. Устал гораздо больше, чем ты».

Остаться? Попытаться поговорить? Только вот о чём?

Виктория сама не знала, почему так хочет что-то сказать Арену. И что именно, она тоже не могла понять.

В конце концов, вытерев рукавом заслезившиеся глаза, Виктория покинула детскую, признав, что, даже если она останется, это ни к чему не приведёт. Осознавать, что все её действия будут бесполезными и легче от них Арену не станет, оказалось очень мучительно.

Император помог сыну умыться, но, несмотря на то, что десятью минутами ранее Алекс уснул во время игры, он ещё долго возился в кровати, капризничал и никак не хотел засыпать без Агаты. Пришлось читать ему книгу, стараясь не отвлекаться на воспоминания о том, как София пела детям колыбельную всего лишь два дня назад. Прекрасным, чистым, чуть дрожащим голосом, пытаюсь не смотреть на императора, но всё равно иногда поднимая взгляд — чтобы тут же его опустить.

Думать о Софии было невыносимо, но не думать Арен не мог. И когда Александр уснул, император тихо вышел за дверь спальни, шагнул в камин и начал строить лифт в её комнату.

Арен знал, что его маленькой аньян там нет и, возможно, больше никогда не будет. В этом переносе не имелось никакого смысла... практического смысла... Но туда неизменно тянуло, словно там, в той комнате, осталось что-то важное.

Тишина и темнота — вот что увидел Арен, когда вышел из камина. Свет лился только от пламени, и император не стал зажигать светильники — боялся заметить то, что изменилось здесь со вчерашнего дня. Дознатели, конечно, тут побывали, не могли не побывать. Неважно, что это ничего не дало, — таков порядок.

Арен вздохнул — в лёгких было тесно и почему-то горячо — и подошёл к столу, на котором лежала стопка рисунков Софии. Она не могла оставить всё так, значит, рисунки вытащили коллеги Дайда или он сам.

Император запустил в воздух огненный шар магического светильника, протянул руку и взял верхний рисунок.

Озеро Чол, куда они переносились с Софией... кажется, в среду. Защитник, такое ощущение, что с тех пор прошла целая вечность.

Следующий рисунок — Коралловое море. Нежные и радостные краски, ощущение безмятежности и полёта... Сейчас Арену казалось, что той поездки вообще не было.

Император отложил листок бумаги в сторону — и задохнулся, замер, увидев на рисунке самого себя, улыбающегося, счастливого, в плавках и с капельками воды по всему телу. Всё было выписано с педантичной точностью, в мельчайших подробностях, и Арен даже дотронулся до капелек воды ладонью — не намокнет ли?

Не намокла.

Он закрыл глаза, пытаясь справиться с собой. Отчаяние захлёстывало, накрывало с головой, впору ставить эмпатический щит внутри собственной души — но это, к сожалению, невозможно.

Невозможным было и ещё кое-что. Вместо пустоты, поселившейся в нём со дня смерти Агаты Арманиус, в груди теперь будто полыхал костёр. Пламя обжигало до боли, до кровавых всполохов в глазах, до дрожи во всём теле, и сердце билось, стучало, бесновалось в грудной клетке, словно мечтало порвать её и вырваться наружу.

И правильно. Зачем ему это сердце, если Софии больше нет?

Арен, глухо застонав, положил на место рисунок и отвернулся. Дурак! Почему не замечал этого раньше? Окунался в её эмоции, пил их, как ключевую воду, не понимая, что они не только её — и его тоже! Поэтому и не мог в последние дни отделить Софию от своей души, поэтому и чувствовал её и себя единым целым. От искры может разгореться пламя, а София была гораздо больше, чем искра.

— Она не была, — прошептал Арен, хватаясь за виски, которые резко сдавило. — Она есть. Она не исчезла!

«Верить в чудеса? Верить, что Эн сможет воссоздать тело из энергетического контура? Ты не просто дурак — ты хуже».

Арен задыхался, метался из угла в угол, злясь на себя, брата, заговорщиков — на всех, кто был виновен в том, что его жизнь давно превратилась в ночной кошмар.

Через несколько минут у него появилось ощущение, что он сейчас спалит не то что эту комнату, а весь дворец, и Арен, шагнув в камин, перенёсся в Императорский госпиталь, в палату Агаты.

Дочь по-прежнему лежала на больничной койке, только теперь её заботливо укрыли одеялом, и она выглядела бы просто спящим ребёнком, если бы не кокон абсолютного щита. Арен лёг рядом с Агатой — кровать здесь была достаточно широкой, и он легко на ней поместился — обнял дочь и поцеловал её. И её, и контур Софии.

«Папа?» — тихий и ласковый шёпот.

— Отдыхай, моя радость, — ответил Арен хрипло и погладил Агату по волосам. Дотронулся до сияющего щита кончиками пальцев, и их тепло защекотало. — Я просто не хочу оставлять тебя одну.

«Я не одна».

— Я не хочу оставлять вас с Софи одних, — поправился Арен.

«Ты её чувствуешь?»

— Да, моя радость.

«Мы её спасём?»

— Конечно, Агата. Мы её спасём.

Глава 4

Император проснулся от знакомого ненавистного ощущения пробудившейся Геенны. Посмотрел в окно — темно, только возле линии горизонта — тонкий ободок более светлого неба, как знак того, что рассвет всё же приближается.

Арен сел на постели и глянул на экран браслета связи. Короткий отчёт Арчибальда, конечно, уже поступил.

«Размер квадрата триста метров, пространственные координаты... Демонов пока нет».

Хоть демонов пока нет. Но вряд ли это надолго.

Император обернулся к Агате и, наклонившись, погладил дочь по голове, задевая сияющие нити контура. Эн объяснила, что девочка находится в состоянии, которое называется магической комой, — она не бодрствует, но и не спит, и всё слышит. Магический колпак, под которым лежала Агата, считывал все жизненные показатели и передавал их на экран центрального аппарата — он находился здесь, в палате, — дежурному врачу в ординаторскую и на браслет связи Эн. Но Арен знал, что его дочь всё равно каждые два часа на всякий случай проверяют. Странно, ведь прошло больше двух часов. Неужели никто не заходил?

И только император подумал, как дверь палаты тихонько открылась и внутрь шагнула Эн.

— Проснулись, — произнесла она шёпотом, закрывая дверь и проходя дальше. — А так крепко спали два часа назад. Что-то разбудило?

— Геенна, — ответил Арен кратко. В предрассветном полумраке он с трудом мог разглядеть лицо девушки, но, кажется, она поморщилась.

— Ясно. Поспите ещё. С Агатой всё в порядке, не волнуйтесь. А с Геенной пусть Арчибальд разбирается. Это его работа, а вам бы отдохнуть.

— Кто бы говорил. Разве ты сегодня дежурный врач, Эн?

Она пару секунд молчала.

— Нет.

— Я не сомневаюсь в этом. Или ты думаешь, я не помню законы, которые сам подписываю? Пять лет назад ночные дежурства беременным женщинам были запрещены.

— Я не смогла уйти, — прошептала она, глядя прямо на императора и не опуская головы. — Точнее, я ушла, но потом вернулась. Буду здесь, пока ситуация не прояснится.

— И что на это сказал Берг?

Она улыбнулась.

— Он был недоволен. Но я обещала, что не стану перенапрягаться и буду спать.

— Надеюсь, что ты сдержишь слово, Эн, — заметил Арен с горечью. — Я не хотел бы ощущать вину перед тобой ещё и в этом.

Она вздрогнула и, вздохнув, спросила чуть дрожащим голосом:

— Вы ели?

Эмпатический щит мешал императору уловить её эмоции — да он и не хотел их знать.

— Эн... иди спать.

— Я так и думала, — пробормотала она укоризненно. — Вот... в этом вы виноваты! Я сейчас принесу вам еду.

— Я не хочу.

— Я даже спрашивать вас не собираюсь! — почти воскликнула она. — Но, раз вы так капризничаете, скажу — от вашего физического и морального состояния зависит, вернём мы Софию или нет!

Сердце кольнуло, словно Эн вонзила туда иглу.

— Ты говоришь правду?

Она вновь вздохнула, но уже раздражённо:

— Нет, я вас обманываю! — и, резко развернувшись, почти выбежала из палаты.
«Папа...»

Арен обернулся и погладил Агату по щеке.

— Не волнуйся, моя радость. Я сделаю всё, что говорит наша врач.

«Эн хорошая».

Вновь стало больно в груди, но теперь уже по другой причине.

— Очень хорошая.

Эн вернулась минут через десять — с подносом, на котором стояла тарелка с кашей, стакан чая и лежали два бутерброда с сыром. Есть не хотелось совсем, но Арен решил сделать то, что нужно, — сначала выпил немного чая, чтобы смочить сухое, словно наждак, горло, а затем уже взялся за ложку.

— А что, у вас тут дежурные повара есть? Половина пятого утра на часах.

— Нету, — буркнула Эн и тут же постаралась сменить тему: — Давайте-ка ешьте. Чтобы всё съели. Если надо будет, я ещё принесу.

И тут Арен догадался.

— Ты сама приготовила?

— Ешьте, — повторила девушка твёрдо, отворачиваясь, и направилась к выходу. — И вообще, прекратите издеваться над собой. Над вами и так постоянно издеваются другие, ещё и вы сами добавляете.

Она уже дошла до двери, когда император тихо сказал:

— Спасибо.

— Не за что, — пробурчала Эн, останавливаясь на пару мгновений. — И пожалуйста, потом ложитесь спать. Надо не только есть, но и спать тоже.

— Хорошо. Лягу.

— Так-то лучше.

Через несколько минут, доев всё до крошки, Арен лёг спать рядом с Агатой, чувствуя себя чуть более живым, чем прежде.

Браслет связи вновь завибрировал около шести утра, и император, с трудом разлепив глаза — и как он умудрился уснуть настолько крепко? — принялся изучать отчёт Арчибалда о появившихся демонах. На этот раз демоны напоминали огромные шары, пульсирующие тёмной энергией, и сами были чёрными, словно дырки в пространстве. Перекатывались, как мячи, гудели, как сигнальные амулеты, и превращали в пепел всё, чего касались. Их удалось остановить, но уничтожить пока не получалось.

Арен, прочитав это, вздохнул с облегчением. Не худший вариант. Если, конечно, эти «шарики» не окажутся какими-нибудь яйцами, из которых в неподходящий момент вылупится и ползет что-нибудь похуже. Было уже нечто подобное года три назад... именно тогда Арчибалд сломал энергетический контур. Чудо, что на месте не погиб.

Император развеял проекцию отчёта и повернулся к дочери.

— Я сейчас перенесусь во дворец, моя радость, — сказал он тихо, касаясь ладонью её мягких волос. — Надо разобрать кое-какие документы, потом разбудить Алекса и маму. Но я обязательно вернусь.

«Да, пап».

— Умница моя. — Арен поцеловал дочь в щёку, встал и, построив лифт, перенёсся в свой рабочий кабинет. Вышел из камина и поморщился, увидев большую стопку бумаг, оставленных секретарём. Демоны, за полтора часа он может и не успеть разобраться во всём этом.

Арен сел за стол и принялся за бумаги. Возможно, он и успел бы, но в половине восьмого утра браслет связи вновь завибрировал, и на этот раз не от будильника — с императором пытался связаться Берт Арманиус, муж Эн.

Руки у Арена похолодели, когда он принимал вызов. Неужели всё-таки что-то случилось с ребёнком?

— Я слушаю.

— Арен. — Берт выглядел очень недовольным, даже злым. — Извини, я понимаю, что сейчас не очень подходящее время, но ты должен знать. Я быстро. Ты же помнишь, в студенческой среде конфронтации всегда были сильными, особенно в моём университете. Так вот, со вчерашнего дня всё гудело, обсуждалось случившееся возле музея — и тихо, и громко, по-всякому. Я предполагал, что произойдёт нечто подобное, но думал: может, пару дней ещё поговорят. Но нет. В шесть утра вышел новый номер газеты «Золотой орёл», и то, что вчера было лишь слухами, — покушение на Агату — теперь подтверждено официально. Эти новости сыграли роль катализатора, и в общежитии началась массовая драка. Нетитулованные пошли бить титулованных за правду, наследницу и императора. А с учётом того, что в общежитии большинство магов — нетитулованные, аристократам пришлось несладко.

— Все живы? — Арен устало вздохнул. Массовая драка... А он-то думал: чего же ещё ему не хватает для полного счастья?

— Живы, но, если бы я не вмешался, может, и не выжили бы. Я сейчас буду собирать всех студентов в общем зале, попробую прочистить им мозги. Но, Арен... На территории университета подобные вещи, конечно, можно контролировать, однако сам факт того, что это произошло...

— Я понял тебя, Берт. Спасибо, что сообщил.

Недовольный Арманиус кивнул, и Арен отключился.

Что ж, это закономерно и понятно. Последователи Аарона хотели ударить императора, но ударили самих себя. Вряд ли у них нет несведущих родственников, которые могут пострадать в стычках между магами. Теперь под ударом не только они сами, но и их дети.

Арен нахмурился и покачал головой. Глупая слепая вера в то, что другой человек на троне не продолжит его политику и этим сразу решатся все проблемы. Стоило давно посмотреть правде в глаза — да, ни Анна, ни Алвар, наиболее вероятные претенденты на трон, не будут действовать так же решительно, как он, но это не решение проблем, давно созревших в обществе. Даже если Алвар не станет действовать вообще, а Анна станет, но гораздо медленнее, чем Арен, — и тот и другой варианты окажутся бомбами замедленного действия. Ни Аарон, ни его последователи никогда по-настоящему не понимали угрозы гражданской войны, она вызывала у них презрительные усмешки. Мы же аристократы, великие маги с родовой силой, мы справимся с этими плебеями.

Ну да, конечно, справятся они. Как бы не так.

Арен покосился на часы на браслете связи и кивнул. Он даст им день, всего лишь день, чтобы почувствовали силу народного гнева после попытки убить его маленькую дочь. И только потом примет меры.

Около восьми утра император перенёсся в спальню Виктории.

Жена уже проснулась — сидела за туалетным столиком и заплетала в косу густые золотые волосы. Когда Арен вышел из камина, Виктория посмотрела на него заплаканными, очень несчастными глазами, и он с трудом удержался от раздражённого вздоха.

Скорее бы с ней начал полноценно работать психотерапевт.

— Пойдём будить Алекса, — сказал император, подхватывая жену на руки, и пошёл к камину. Виктория обняла его за плечи и, приподнявшись, вдруг поцеловала в губы.

Арена кольнуло неприязнью.

— Не надо, Вик, — произнёс он холодно, отворачиваясь. Поставил супругу на пол и начал строить пространственный лифт. На секунду отвлёкся, посмотрел на неё — и едва не ошибся в формуле, увидев, как она безмолвно плачет, опустив голову.

Защитник! Ну что опять?! С Агатой всё в порядке, с Алексом тоже, и сама Виктория совершенно здорова, и Арен здесь, целый и невредимый. Почему она рыдает?!

Разбираться в этом не хотелось. Проблем и так выше неба, а если ещё сейчас на истерику нарваться, то у него не хватит сил на их решение. Ну уж нет. Пусть в проблемах Виктории копаются психотерапевт. Всё равно у Арена за восемь лет не получилось её понять.

Выйдя из камина в детской, император поставил жену на мягкий ковёр и спокойно проговорил:

— Сейчас вместе разбудим Алекса, а потом я уйду. На завтрак не останусь, времени нет.

Виктория удручённо кивнула. Она уже не плакала, но глаза всё равно были на мокром месте.

Нет, это невыносимо!

— Почему ты плачешь?

Зачем, зачем, ну зачем он спросил? Сейчас начнётся...

— Я не знаю, что мне делать, — пробормотала Виктория, отводя взгляд. — Я такая бесполезная.

Защитник, что это за бред?

— Ты не бесполезная, — ответил император как можно более терпеливо. — Не выдумывай. Сегодня останешься с Алексом, завтра, если захочешь, проведёшь день в оранжерее. Я попрошу Анну побыть с ним.

Виктория закусила губу и совсем тихо произнесла:

— Нам, наверное, нужна новая... аньян.

В груди сгустились холод и боль, словно её проткнули ледяным кинжалом.

— Нет, — ответил Арен слишком резко. — Никто нам пока не нужен. Всё, хватит. Пошли будить Алекса.

Удивительно, но жена не возразила, не возмутилась. Наверное, до сих пор не отошла от шока после вчерашнего, когда думала, что Агата сгорела в порталной ловушке. Но ничего, отойдёт, потом превратится в прежнюю себя и ещё порадуется гибели Софии.

Арен сжал зубы. Ну уж нет! Никакой гибели. Где бы ни была его маленькая аньян, его солнечное счастье, он вытащит её. Обязательно вытащит. Чего бы ему это ни стоило.

Разбудив Александра и немного повозившись с ним, Арен перенёсся в госпиталь, оставив сына на попечении жены. Виктория к тому времени, насмотревшись на ребёнка, чуть повеселела, перестала плакать и начала улыбаться. Правда, встречаясь взглядом с Ареном, всё равно виновато опускала голову, но он старался не обращать на это внимания и вообще не думать. Правда, пусть психотерапевт разбирается в смятенных мыслях супруги, может, хоть он что-нибудь поймёт.

Когда Арен вошёл в палату Агаты, Эн уже была здесь, и не одна, а вместе с Вано Вагариусом. Безопасник, одетый не в форму, а в обычные тёмные штаны и белую рубашку, которые при необходимости выдавались сотрудниками госпиталя, выглядел чуть более бодрым, чем накануне.

— Ваше величество, — сказали Эн и Вано хором, почтительно наклоняя головы. Арен кивнул.

— Как ты себя чувствуешь, Вано?

— Хорошо, — ответил Вагариус. — Мой лечащий врач сказал, что сегодня выпишут. Но порекомендовал хотя бы в течение месяца магически не перенапрягаться, иначе может случиться рецидив.

— Хотя бы, — фыркнула Эн. — Айл Вагариус, старайтесь не перенапрягаться не менее трёх месяцев. Месяц — это минимум и слишком оптимистично. Коллега, при всём моём уважении, слегка не учёл специфику вашей работы. Я понимаю, что вы не можете повлиять на преступников, но позаботьтесь всё же, чтобы щиты держал кто-нибудь другой. Помоложе и без сердечных приступов в анамнезе.

— Я за этим прослежу, — сказал Арэн, не дожидаясь ответа Вано. — Эн, ты готова рассказать мне всё сейчас?

Девушка посмотрела на императора со странной мрачностью.

— Готова. Айл Вагариус, посидите тут немного вместе с Агатой и Софией, хорошо? А мы с его величеством отлучимся.

— Конечно, Эн.

— Я распорядюсь, чтобы вам сюда завтрак принесли. Пойдёмте, ваше величество.

Она подхватила со стола стопку каких-то бумаг и тетрадей, подошла к двери, распахнула её и шагнула в коридор. Арэн вышел вслед за ней — и замер, услышав, как Эн невозмутимо говорит одному из охранников:

— Яронг, будьте добры, принесите из столовой завтрак в две палаты — четыреста пять и четыреста шесть. И попросите, чтобы порции сделали побольше.

— Хорошо, — кивнул мужчина и поспешил выполнять поручение. Император, понимая, что второй завтрак предназначается ему, возражать не стал — бессмысленно, да и права Эн, надо всё-таки есть. Неважно, хочется или нет — надо.

Зайдя в соседнюю палату, девушка подошла к столу у окна, положила на него свои бумаги, опустилась на стул и, дождавшись, пока Арэн тоже сядет, начала говорить, раскрыв перед ним одну из тетрадей.

— Эту схему проходят на первом курсе университета, ваше величество. Помните? Аристократы во время занятий обычно носы задирают.

Арэн кивнул, рассматривая пронумерованный рисунок. Основа антропологии — схема сущности человека.

— Первый уровень — физическое тело, — сказала Эн, ткнув пальцем в цифру «один» в центре нарисованного человека. — Физическая форма со всеми внутренними органами, кровью, мозгом и так далее. Второй уровень — сознание, то есть то, что составляет знание человека о себе самом, о том, что отличает его от другого такого же индивидуума. Третий уровень — душа. — Девушка указала сначала на цифру «два» во лбу рисунка, а затем — на цифру «три» — облако, окружавшее изображение. — Душа — бессмертное творение Защитника, переходящее из смерти в жизнь в бесконечном круге перерождений. Люди, обладающие телом и душой, но не сумевшие удержать в себе сознание, называются сумасшедшими. Первые три уровня есть у всех людей, четвёртый и пятый — только у магов. Четвёртый уровень, естественно, энергетический контур, вместилище магической силы, пятый — кровная родовая магия. — Эн усмехнулась. — Отдельный этаж для аристократии, как любит шутить Валлиус. Он пятый уровень не признаёт, считая его свойством четвёртого. Но сейчас это не суть важно. Из этих четырёх уровней — пятый не берём, поскольку София нетитулованная, да и абсолютный щит не имеет отношения к родовой магии, — у нас с вами есть только один — четвёртый. Энергетический контур. — Эн обвела пальцем тонкую паутинку внутри нарисованного человеческого тела. — Таким образом, нам необходимо не просто вернуть Софию. Нам нужно вернуть её в трёх аспектах существования — тело, сознание и душа.

От этих рассуждений Арэн погрузился в такое отчаяние, что впору было бросаться головой вниз с самой высокой дворцовой башни.

— Звучит так, словно это невозможно, Эн.

— Невозможного не бывает. Вы сейчас поймёте, почему я начала с этой теории. Возвращение Софии надо рассматривать именно так — сначала по отдельности, и только затем вместе.

Она вздохнула, открыла рот, чтобы продолжить, — но тут в палату зашёл охранник с подносом, и девушка замолчала. Дождалась, пока мужчина поставит свою ношу на стол, отодвинула бумаги и тетради и сказала:

— Ешьте, ваше величество. А я пока буду рассказывать дальше.

Охранник вышел, и Арен послушно приступил к завтраку. Съел ложку каши и пробормотал:

— Ты вкуснее сварила.

— Я рада, что вы это заметили, — ответила Эн со слабой улыбкой. — Нет, не потому что это приятно. Значит, вы немного ожили, раз ощутили вкус еды, ещё и смогли сравнить. Очень хорошо. Но давайте продолжим. Упомянув, что у нас есть энергетический контур, я была не совсем точна. У нас есть не он, а энергетический щит, это разные вещи. Контур — это сосуд, наполненный силой в том количестве, в котором её отмерил магу Защитник. Резерв Софии составлял пятнадцать магоктав. Какой резерв у щита? Абсолютный. Сто. Значит, мы не можем говорить об энергетическом контуре — мы должны говорить об энергетическом щите. Получается, нам всё же предстоит вернуть Софию во всех четырёх аспектах, только, в отличие от остальных уровней, которые необходимо буквально воссоздать из ничего, здесь у нас есть основа — щит должен преобразоваться в контур.

Ложка стукнула о тарелку. Надо же, проглотил всю кашу, даже не заметив этого — так заслушался.

— Как возникает абсолютный щит? Маг, осознавая смертельную опасность, настолько хочет спасти того, кого любит, что бессознательно превращает в щит самого себя. Тело при этом расщепляется, контур наполняется силой до краёв, то есть до абсолютной полноты. Но откуда берётся эта сила? Один из постулатов магической науки — что-то не может возникнуть из ничего, всегда нужно иметь основу. У Софии было пятнадцать магоктав, а стало сто. Откуда?

— Энергия появилась от расщепления тела?

— Почти. Но не совсем. Помните постулат, говорящий, что магическая сила может быть заменена жизненной? А что такое вообще жизненная сила? Это энергия, заключённая в живом, — Эн постучала по схеме, — человеку. Энергия его тела, сознания и души. Это всё, что есть человек. Понимаете? Это — ВСЁ. То есть абсолютное. Отсюда и щит на сто магоктав, потому что он — всё, что есть София.

Пока Арен пытался осознать то, что говорит Эн, она повторила:

— Понимаете? Щит, окружающий Агату, содержит в себе всю Софию. Её тело, сознание, душу и энергетический контур. В нём есть всё, что нам нужно.

— Понимаю, — произнёс император медленно. — Но как достать?..

Эн тяжело вздохнула.

— То, что я буду говорить вам дальше, — это всего лишь теория, ваше величество. Теория, основанная на моих знаниях. Я могу ошибаться. И, возможно, нет обратного пути, как... в случае с моим мужем.

Арен удивлённо поднял брови.

— Ты решила сдаться и больше не пытаться вернуть Берту резерв?

— Пока нет. — Она усмехнулась. — Но я стала допускать эту мысль. Что же касается Софии... То, на чём я основываюсь в своей теории, — это бессознательный характер применения абсолютного щита. София, желая защитить вашу дочь, расщепила тело и стала щитом бессознательно. А что, если обратный процесс всё-таки возможен? Но в таком случае его необходимо как-то запустить, заставить Софию воссоздать собственное тело. И мне приходит в голову только один способ.

— Какой же?

— Представьте себе человека, который находится в обмороке. Чтобы его из этого обморока вытащить, можно дать понюхать нашатырь, но, если нашатыря нет, что делают тогда? Хлопают по щекам. Нашатырь в нашем случае не сработает — проснётся Агата, но не София.

Арен начал догадываться, к чему клонит Эн, но спрашивать не спешил, чтобы не сбивать девушку.

— Что отличает живого человека от мёртвого? Способность чувствовать физическую боль. София сейчас абсолютный щит, но она жива, она не умерла. Следовательно, каким-то образом она способна чувствовать боль. Но, так как тела у неё нет, она будет ощущать боль того, кто держит её контур.

— Агаты, — уронил император тяжело, и Эн покачала головой.

— Нет, конечно. Девочка не выдержит подобного. Она должна передать контур тому, кто выдержит.

— Я согласен, Эн, — спокойно сказал Арен. — Как я понимаю, это именно то согласие, которое ты хотела получить?

— Не только. Я ещё не закончила. Да, вы всё верно поняли — Агата передаст вам контур Софии, и все дальнейшие манипуляции я буду осуществлять только с вами и вашим телом. Будет очень больно. Мне придётся вколоть вам катализатор сознания, чтобы вы не упали в обморок, иначе отпустите контур. Но я всё равно не уверена, что этот план сработает.

— Попробуем.

— Хорошо, тогда рассказываю дальше. Если в результате этих действий тело появится, скорее всего, контур в нём не будет закреплён должным образом. Возможно, вообще будет болтаться отдельно от тела. Я хочу его пришить при помощи кровных связных игл. Иглы должны быть сделаны на крови матери и деда Софии, а ещё — на вашей крови, так как она — не только лучший катализатор, но и лучший стабилизатор.

— Я понял. Дать кровь я тоже согласен.

— Теперь самый слабый пункт в моей теории. Самый слабый из остальных слабых... Душа и сознание Софии. Их болью не вернёшь. Тело появится, контур я пришью, но я не знаю, что при этом станет с душой и сознанием. Если получится, придётся импровизировать в процессе. Мне бы не хотелось, но, возможно, нам пригодится мама Софии — вдруг сможет разбудить? Необходимо, чтобы София проснулась и осознала себя, но, как это сделать, я точно не знаю. Вы всё равно готовы попробовать?

— Да, Эн.

В это мгновение Арен почему-то вспомнил, как сам раз за разом спрашивал её: «Ты передумала?» — надеясь, что она всё же не выдержит и сдастся. Да, история повторяется. Но, в отличие от него, Эн надеялась на обратное — что он выдержит и не сдастся. Император видел это по её глазам.

— И последнее, ваше величество. — Девушка вздохнула и закусила губу, словно говорить об этом было неловко. — Я думаю, всё может получиться только при одном условии. Ещё раз про особенности абсолютного щита... Весь его смысл в том, что маг отдаёт жизнь за кого-то другого. Это плата. София отдала свою жизнь за Агату. И мы не сможем её вернуть уже хотя бы поэтому.

Арен нахмурился, не понимая.

— Тогда зачем ты...

Она перебила его:

— Чтобы вернуть Софию, кто-то должен отдать за неё жизнь. Жизнь за жизнь — только так. Не обязательно всю, но хотя бы часть. У вас... — Эн запнулась и чуть покраснела. — У вас длинная жизнь, ваше величество. Вы можете отдать часть её Софии. Ничего от этого не изменится, ни резерв, ни что-либо ещё, просто проживёте одну жизнь на двоих.

Впервые за последние сутки Арэн чуть заметно улыбнулся.

— И в третий раз я говорю тебе, что согласен, Эн. Оставь мне хотя бы лет пятьдесят — чтобы я смог закончить с этим законом о титулах.

— У вас будет больше, — ответила она со всей возможной серьёзностью, смотря на него с пониманием и сочувствием. — Вы же очень сильный маг. Останется лет сто, не меньше.

— Этого более чем достаточно.

Они молчали несколько мгновений, глядя друг другу в глаза.

— Всё, — сдавленно выдохнула Эн. — Я всё рассказала. Сейчас вернусь к Агате, подготовлюсь к консилиуму, он уже скоро. Вам лучше присутствовать, потому что без вашей поддержки...

— Я понял. Слишком сомнительная теория, кроме того, небезопасная для правящего монарха. А консилиум так необходим?

— Да, ваше величество. Во-первых, такие правила, а во-вторых — там всё же не идиоты соберутся, вдруг у кого-то возникнут здравые мысли по поводу процедуры. Возвращение сознания и души — два белых пятна.

— Что ж, тогда пойдём на твой консилиум.

— Сначала допейте чай и доешьте бутерброд. А потом я у вас кровь возьму.

— Хорошо, Эн. Как скажешь.

Эн вышла, а Арэн, доев завтрак, уже собирался покинуть палату, когда в неё вдруг зашёл высокий светловолосый мужчина.

— Доброе утро, ваше величество, — проговорил он густым баритоном. — Меня зовут Силван Нест, я лечащий психотерапевт вашей супруги.

Император уже и сам его узнал — вспомнил портрет в досье, собранном дознавателями.

— Брайон Валлиус сказал, что, перед тем как переноситься во дворец, я должен буду зайти к вам за печатью молчания.

— Всё верно, — ответил Арэн и коснулся ладонью плеча мужчины. — Готово. Можете идти. После сеанса постарайтесь найти меня и доложить о результатах.

— Да, ваше величество.

Силван Нест удалился, а император вновь направился в палату к дочери. Зашёл и застыл у двери, услышав, о чём говорят Вано и Эн.

— Нет, айл Вагариус. — Голос девушки был полон сожаления. — Вы не смогли бы держать контур так, как это делает Агата. И дело здесь не в возрасте. Удерживать абсолютный щит подобным образом, я думаю, способны только Альго.

— Почему? — поинтересовался Вагариус — и тут же замолчал, заметив императора.

— Продолжайте. Мне тоже интересно.

Эн вздохнула и пожала плечами.

— Я полагаю, причина в связи с Геенной. Поэтому члены семьи Альго могут трогать контур, а остальные — нет, сразу сгорят. Абсолютный щит не причиняет вреда простыням или приборам, потому что они неживые, а вот всё живое сжигает.

— Я не очень понимаю, как это связано с Геенной, — пробормотал Вано. — В принципе, я понимаю, что как-то должно быть связано, но как...

— Если бы я сама понимала, я бы объяснила вам, айл Вагариус, — сказала Эн, хотя Арэн видел, что она понимает гораздо больше, чем хочет показать. — Просто примите это как данность. Вы не смогли бы удержать абсолютный щит своей матери.

— Спасибо вам, Эн, — произнёс Вагариус искренне. — Ваше величество, я пойду. Мне скоро должны принести выписку, и я сразу в комитет.

Арэн кивнул и попросил:

— Подготовь приказы о награждении орденами Славы первой степени всех, кто в этот день сопровождал мою дочь.

Вано понимающе наклонил голову.

— И передай, пожалуйста, в финансовый комитет — чтобы к завтрашнему утру, не позже, был готов проект указа о финансовой помощи семьям погибших. Размер помощи пусть определяют исходя из возможностей казны, но это должно быть что-то приличное.

— Да, ваше величество.

Вагариус вышел, и Арен вопросительно посмотрел на Эн.

— Пятнадцать минут, — сказала она, перебирая бумаги. — Потом возьму у вас кровь и пойдём на консилиум. Посидите пока с Агатой, переведите дух. Сейчас ещё мама Софии должна прийти, я хотела оставить её в палате на время консилиума, чтобы Агате было нескучно. Вчера айла Тали ей даже что-то пела. — Эн легко улыбнулась. — Хорошая мама у Софии. А на кого ваша... аньян больше похожа? На маму или на Вагариуса?

Сделав вид, что не заметил запинки после слова «ваша», Арен ответил:

— На Вано. София рыженькая и с серыми глазами.

Эн улыбнулась шире.

— Буду рада с ней познакомиться.

«Надеюсь, что это случится», — подумал император, но промолчал — боялся разрушить хрупкую надежду, поселившуюся в его душе и сердце с тех пор, как он увидел, что абсолютный щит не исчез.

Глава 5

Александр отвлекал Викторину от мрачных мыслей, и она с удовольствием играла с сыном всё утро. Ближе к полудню в детскую вошла Анна с Аделью на руках, обняла подбежавшего к ней Алекса и кивнула Виктории.

— Скоро придёт твой врач, Вик. Арен распорядился, чтобы вам подготовили салон. Ты можешь идти туда, а я посижу с детьми.

Голос Анны казался Виктории очень холодным, и она в очередной раз подумала — нет, всё же что-то не так, сестра мужа сердится на неё.

— Что случилось? — поднимаясь с дивана, спросила императрица негромко, чтобы дети не слышали. — Я... чем-то обидела тебя?

— Не меня, — ответила Анна так же холодно, а затем отвернулась и обратилась к детям: — А гулять пойдём? Погода сегодня тёплая, лучше, чем вчера.

«Не меня»... Виктория закусил губу, пытаясь понять, о чём говорила Анна. Или о ком. Об Арене, может? Да, скорее всего, так и есть. Она очень любит брата, а Виктория доставляет ему одни проблемы.

Она оставила Александра с Анной, а сама прошла в салон. Виктория немного нервничала, поэтому налила себе чаю — чуть запотевший большой фарфоровый чайник стоял на столе, и удержаться было невозможно. Напиток пах мятой и ромашкой, и Виктория, выпив из-за переживаний сразу половину чашки, потянулась ещё и за шоколадными конфетами.

Она помнила, как Арен несколько раз просил её принять помощь психотерапевта, помнила, как обижалась на это, но сейчас не могла сообразить, почему обижалась. Да и обида ли это была? Скорее гнев. Виктория сердилась на мужа за подобные предложения.

— Я не сумасшедшая! — кажется, именно так она тогда сказала.

— Я не считаю тебя сумасшедшей, — ответил Арен терпеливо. — Но ты из-за чего-то сильно нервничаешь, Вик. Тебе нужна помощь.

— Не нужна!

Эта его терпеливость... она раздражала сильнее всего, ведь настолько терпеливым можно быть только по отношению к тому, кто тебе безразличен. Вот и Аарон, когда Виктория однажды, где-то через месяц после свадьбы, восхитилась, сколько у мужа терпения, фыркнул: «Это не терпение, а равнодушие».

Его слова проникли в неё, словно яд в кровь. И Виктория, присматриваясь к Арену, начала замечать то, на что не обращала внимания раньше.

Он всегда слушал её, но будто бы не слышал. Легко решал её проблемы, просто-напросто отменяя их двумя-тремя фразами и не углубляясь ни во что. Если Виктория хотела лишь пожаловаться, Арен сразу пытался найти выход из ситуации, не понимая, что ей нужны не действия, а немного его сочувствия.

«Ты что, — смеялся Аарон. — Мой брат не любит слёзы, сопли и жалобы, к нему бесполезно приходить с этим. Хочешь пожаловаться — иди к кому-нибудь другому, но только не к Арену. Он на жалость не способен. Да он даже в детстве ни разу не плакал, камень, а не человек!»

Виктория вздохнула и сжала чашку. Какой же она тогда была глупой, верила Аарону, каждому его слову... Верила просто потому, что он был дружелюбен, улыбался, шутил, сочувствовал. И ведь даже упрекнуть его ни в чём нельзя: он не лгал ей, рассуждая о характере Арена. Лишь подавал всё так, как это было выгодно ему. А она верила — словно он купил её веру своими улыбками.

Во рту стало горько, и Виктория поставила чашку на стол. Ну почему, почему она не сообразила гораздо раньше? Почему не рассказала Арену, не поговорила с ним? Хотя... о

чём она могла ему рассказать? Аарон разговаривал с ней очень осторожно, и только теперь Виктории стало ясно, что он виртуозно дурил ей голову, при этом абсолютно не используя ложь. Если только самую капельку...

Дверь открылась, и в комнату вошёл психотерапевт, с которым Виктория общалась накануне. Это был молодой нетитулованный маг одного возраста с её мужем, довольно-таки симпатичный, со светлыми волосами, правильными чертами лица и мягкой вежливой улыбкой. Вчера она поначалу смущалась — Виктория вообще не привыкла к откровенностям, тем более с незнакомыми мужчинами, а вопросы, которые задавал Силван Нест, были очень личными, — но постепенно это ощущение уходило. Возможно, дело заключалось в том, что ей действительно становилось легче, когда она обсуждала свои тревоги, и вместе со страхами уходило смущение. Тем более что она ни разу не заметила, чтобы Силван осуждал её — ни словом, ни взглядом. Даже наоборот — он со своей мягкой улыбкой создавал ощущение надёжной подушки, в которую можно поплакать и которая не будет за это на тебя ругаться и никому ничего не скажет. Ну или почти никому.

Именно тот факт, что Нест решил поговорить с ней о своих отчётах Арену, оказался для Виктории решающим, и у неё возникла симпатия к этому психотерапевту. Ведь мог бы и промолчать, понимая, что она и так всё знает. Но накануне, перед тем как отпустить Викторию во дворец, Силван сказал, глядя на неё серьёзными серыми глазами:

— Ваше величество, обычно я могу гарантировать, что никто, кроме меня и пациента, не узнает ничего из содержания наших бесед. Но сейчас особенный случай, я думаю, вы это понимаете.

Виктория кивнула, вновь немного смутившись. Да, знать, что Арену обо всём доложат — а он при желании и прослушать может через браслет, — было не слишком приятно. Иногда это мешало расслабиться.

— Но я могу гарантировать вам другое. — Голос врача из мягкого вдруг стал твёрдым и внушительным, напомнив Виктории голос мужа. — Да, я обязан отчитываться императору, но отчитываться можно по-разному. Я не стану говорить ничего лишнего. И постараюсь сделать так, чтобы его величество вошёл в ваше положение. Чтобы он вас понял. Это не пойдёт во вред вашим отношениям — только на пользу.

— Не беспокойтесь, айл Нест, — произнесла Виктория, вздохнув. — Я восемь лет живу с эмпатом, который читает меня как открытую книгу.

— Эмпаты не могут читать людей как книги, — возразил психотерапевт, вновь мягко улыбнувшись. — Кроме того, если бы это было так, вам бы не понадобилась моя помощь.

— Да... вы правы.

Виктории понравилось, что Силван решил уточнить с ней этот момент. После того разговора у неё создалось впечатление, что он придерживается в первую очередь её интересов, а потом уже выполняет приказ императора. Наверное, так и должно происходить у врачей, вот только она давно не верила, что может быть кому-то интересна.

Нест, пройдя в салон, поздоровался с Викторией, поклонившись, и сел на диван в метре от неё. С любопытством оглядел накрытый служанками стол и, доставая из сумки через плечо блокнот и ручку, сказал:

— Вчера мы с вами уже кое-что выяснили, и я хотел бы узнать, как вы чувствуете себя сегодня, ваше величество.

— Глупо, — ответила Виктория, не задумываясь. Силван ещё в госпитале объяснил ей, что так и надо отвечать — честно и не думая.

— Отчего же глупо?

— Оттого, что я слушала не того, кого нужно было слушать, — вздохнула она. — И вместо того, чтобы обсудить с мужем своё беспокойство, я обсуждала всё с другим человеком и слушала его.

— Расскажите мне, что вас беспокоило, ваше величество. Что вы обсуждали с другим человеком?

Стало неловко. Вчера рассказывать о страхе потерять дочь было как-то проще, хоть и очень больно.

— Меня беспокоил тот факт, что муж меня не любит.

Если врач и удивился, то виду не подал, сохранив нейтрально-вежливое лицо.

— Почему вы так решили?

— Это очевидно.

— И всё же, ваше величество. Необходимо, чтобы вы сказали это. Почему вы решили, будто вас не любит муж?

— Потому что он всегда относился ко мне как к вещи. Он женился на мне не по любви, а по необходимости — император должен быть женат. Выбрал как породистую кобылу. А потом... Что бы я ни делала — он всегда оставался равнодушным, спокойным и терпеливым. Ни разу я не замечала в нём вспышки чувств, только расчёт.

— А что вы делали, ваше величество?

Виктория не сразу поняла вопрос.

— Вы о чём?

— Вы сказали: «Что бы я ни делала». Что вы делали? Когда этот вопрос начал вас беспокоить, что вы стали делать?

Она почувствовала, как горят щёки — словно их кто-то усиленно трёт чем-то колючим. Неловко... Как о таком рассказывать? Ещё и мужчине!

— Ваше величество, — произнёс он мягко. — Я врач. Вы можете рассказать мне всё. Я не намерен осуждать вас, я хочу вам помочь.

— Я... — Виктория закусил губу, помялась в нерешительности, но в конце концов продолжила, тяжело вздохнув: — Я очень хотела вызвать в Арене... в муже чувства. Хотела, чтобы он показал, что всё же безразличен, что любит... хотя бы немного. Сначала я решила... прийти к нему в кабинет, когда он работал. Я попыталась его... соблазнить. Но Арен только посмеялся, сказал, что для таких вещей существуют ночи, а если он сейчас отвлечётся, то на совещании станет клевать носом. Он... никогда не хотел меня так же сильно, как я его.

Лицо врача оставалось таким же беспристрастным, и от этого, как ни странно, Виктории стало чуть легче откровенничать.

— Потом я начала капризничать. Смотрела на его реакцию, пыталась вывести из себя, но Арен всегда оставался совершенно спокойным. И я тогда подумала... что у него, как у моего отца, наверное, есть любовница. У отца их было много — и при жизни матери, и после её смерти тоже, и не одна, а сразу несколько. Я начала следить за Ареном, пытаюсь найти доказательства...

Виктория чувствовала, что внутри неё словно прорвало плотину — так ей вдруг захотелось всё-всё рассказать. И о своей безумной ревности, и о недоумении мужа — даже здесь он остался равнодушен! — и о постоянном раздражении, с которым почему-то не получалось бороться, и об отравленной горничной, и об истериках, которые становились ещё более яростными во время беременности.

Врач слушал, задавая ненавязчивые вопросы, хотя Виктории они были и не нужны — она говорила, говорила и говорила, не замолкая, наверное, целый час, пока не почувствовала себя абсолютно опустошённой, выпотрошенной и вывернутой наизнанку.

— Ваше величество, — сказал психотерапевт, когда Виктория замолчала и потянулась за водой. — Я приду завтра в то же время, и мы продолжим. Но у меня есть для вас домашнее задание.

— Домашнее задание? — переспросила она с недоумением.

— Да. Вы начали рассказ с утверждения, что вас не любит муж. Я прошу вас подумать до завтра и дать мне ответ на вопрос, любите ли вы своего мужа. Да или нет. Не надо рассуждений. Просто — да или нет.

— Я могу ответить сейчас.

— Сейчас не надо. — Он легко улыбнулся, вставая с дивана. — Завтра.

На врачебном консилиуме собрались все заведующие отделениями и ведущие специалисты — всего около двадцати человек, — и он показался Арену не менее невыносимым, чем Советы архимагистров. То, что Эн рассказала ему за тридцать минут, на совещании врачей обсуждалось два часа. Она объясняла и обосновывала каждое будущее действие, показывала формулы и схемы артефактов, отвечала на вопросы. Господа врачи сомневались и кидали недоумевающие взгляды на императора, который заявил о своей поддержке ещё в начале совещания. Арэн, чтобы избежать кривотолков, объяснил стремление вернуть свою анян переживаниями дочери, которая ни в какую не хочет отпускать контур, — и, кажется, ему поверили. По крайней мере, уточняющих вопросов задавать не стали, сосредоточившись на сути самой процедуры, которая всех повергла в шок.

Но, быстро пережив этот шок, господа врачи начали ругаться.

— Эн, — покачал головой заведующий реанимацией, разглядывая схему подачи электрического тока. — Этой процедурой мы ставим под угрозу здоровье его величества, а возможно, и жизнь. Я решительно против подобного риска.

— Здоровью, а уж тем более жизни императора ничего не грозит, — возразил заведующий терапевтическим отделением. — Дозы рассчитаны точно, они не могут повлиять на энергетический контур его величества. Речь идёт только о болевом эффекте. Неприятно будет, конечно, но это не то что не смертельно, даже не травмоопасно.

— Меня крайне сложно убить, — сказал Арэн холодно. — Тем более током. Но чтобы не было сюрпризов, перед уходом я поставлю на всех присутствующих печати молчания.

— Это обязательно, — кивнул главный врач. — По этой же причине протокол консилиума мы не ведём.

— Запишите только ключевые моменты и итоговое решение после окончания совещания и передайте мне для тайного архива, — уточнил император. — Совсем без документов мы обойтись не можем, но всё будет засекречено.

— Эн, позвольте вопрос, — вновь вмешался заведующий реанимацией. — Допустим, тело вы воссоздадите, но душа и сознание не вернуться. Останется только оболочка. И как быть?

— Это маловероятно, коллега, — сказал ведущий психиатр, опередив с ответом Эн. — Девушка ушла в абсолютный щит вся, вся должна и вернуться. Если мы запускаем обратный процесс, то запустится он в полном объёме, либо не запустится вообще. Эксперименты Эн с энергетическими контурами это доказывают — резерв к магам возвращается в полном объёме.

— Эн, по поводу использования медикаментозного катализатора сознания, — произнёс заведующий терапией. — Я не уверен, что от подобного вмешательства не станет хуже. Лучше не рискуй, а уж если решишь рисковать, то хотя бы не сразу.

— Да, я так и планирую сделать.

— Правильнее будет, если девушка очнётся сама. В том случае, если ты резко выдернешь её сознание при помощи лекарств, от этой резкости оно может помутиться. Поэтому я бы не стал рисковать с катализатором. Попробуй использовать внешний раздражитель, только не боль, а родных и любимых людей, голоса и прикосновения которых могут повести её сознание за собой. И вообще, — мужчина хмыкнул, — вспомни сказку о спящей принцессе.

— Э-э... — Кажется, Эн смутилась. — Я плохо разбираюсь в сказках.

Несколько врачей улыбнулись, а заведующий терапией, ничуть не удивившись, продолжил:

— Спящую принцессу заколдовала злая ведьма, и спала эта принцесса много-много лет, пока не пришёл её возлюбленный и не разбудил девушку поцелуем. Если у вашей подопечной есть такой возлюбленный, можно его использовать.

Эн кашлянула.

— Спасибо, я учту. Брайон. — Она посмотрела на главврача. — Что вы скажете? Можем мы назначить процедуру на завтра?

— Предприятие, конечно, сомнительное, — протянул Валлиус. — Но раз жизни и здоровью его величества ничего не грозит... Что ж, давайте завтра, в десять утра. Я буду присутствовать. Ещё кто-нибудь нужен, Эн?

— Только император. Родственников я тоже позову, но они лучше пусть сначала побудут в коридоре.

— Хорошо. Алекс, — главный врач обратился к заведующему реанимацией, — подготовь две смежные палаты, чтобы можно было потом перетащить в соседнюю... остальных потерпевших. В основной палате хватит и одной койки, в соседней должно быть две.

— Да, Брайон.

— Всё. Ваше величество, ставьте печати. И расходимся.

Сразу после консилиума к Арену подошёл психотерапевт его супруги и сказал, что готов отчитаться. Поднявшись наверх, в реанимацию, и расположившись в палате четыреста шесть, император кивнул, косясь на браслет связи — там уже нетерпеливо мигали отчёт Арчибальда и просьба об аудиенции от Дайда.

— Я слушаю вас, айл Нест.

— Серьёзных психических отклонений у вашей супруги нет, ваше величество. Сейчас мы имеем симптомы депрессии — чрезмерное чувство вины и собственной никчёмности, подавленность, плохой сон и аппетит, нерешительность и мысли о смерти.

— О смерти? — Арен слегка удивился. Он никогда не замечал у Виктории склонности к суициду.

— Я не имею в виду самоубийство. Эти мысли связаны с чувством ненужности и бесполезности для окружающих, особенно для вас. Вчера ваша жена сказала: «Лучше бы я сама ехала в том магмобиле вместе с дочерью».

Арен удивился ещё больше. Интересно, чем же это было бы лучше? Погибла-то ненавистная Виктории София, а не Агата.

— И что со всем этим делать?

— Работать, естественно. Причины состояния вашей жены — в её детстве, в отношениях с отцом, в его изменах матери. Неосознанно её величество проецирует своё мнение об отце на вас. Возможно, это прошло бы со временем, но мысли вашей супруги кто-то направлял. Я пока не знаю, случайно или нет, подробности не выяснял, ещё рано.

Арен понимающе кивнул. Что ж, вот это как раз не удивительно. Братец Аарон... конечно, он что-то говорил Виктории.

— Странно, что она никогда не рассказывала об этом «направителе» мне, — пробормотал император, и Силван Нест пояснил:

— Она вам не доверяет, поэтому и не рассказывала.

Арен вновь удивился:

— Не доверяет? Но по какой причине? Я ничего от неё не скрывал, всегда был как на ладони и давал ей всё, о чём она просила.

— Ваше величество... Простите, что я так говорю, но вы смотрите на проблему не с той стороны, — сказал психотерапевт, понимающе улыбнувшись. — В этом нет ничего странного,

так делают все, просто иногда люди заходят слишком далеко, оттого и не могут договориться. Как вы с её величеством. Она смотрит со своей стороны, вы — со своей. И видите вы разное. Причина недоверия супруги состоит не в ваших поступках или действиях, а в проецировании отношений между её отцом и матерью на ваши отношения, в навязчивых идеях, которые к тому же поддерживались кем-то извне. И очень умело поддерживались. Ваша жена — это клубок из комплексов, чувства собственной никчёмности и неумения адекватно оценивать реальность. Она на всё смотрит через призму своих комплексов. Если вы отвергаете её, то не потому, что устали или заняты, а потому, что не любите и она вам не нужна. Если горничная хмурится, то не потому, что у неё голова болит или дома проблемы, а потому, что ей не нравится прислуживать императрице. Помочь тут может только систематическая терапия, ну и кое-какие лекарства я ей назначил. Ничего серьёзного, вот, посмотрите. — Врач протянул Арену копию рецепта. — Сейчас я временно буду встречаться с вашей супругой каждый день, пока это необходимо, в дальнейшем сеансы станут реже. У меня к вам большая просьба — если вдруг её величество захочет поговорить с вами, обсудить какие-то свои действия и поступки, не отталкивайте её. Собственно, у меня всё по поводу сегодняшней встречи. Только один вопрос. Мне каждый раз так отчитываться или?..

— Каждый раз не надо. — Арен покачал головой, глядя на список успокоительных и витаминов. — По мере необходимости. Если вам будет что сообщить, подойдёте к моему рабочему кабинету, секретарь со мной свяжется, и я вас приглашу.

— Да, ваше величество.

После ухода Силвана Неста император быстро просмотрел отчёт Арчибальда. Брат выяснил, как можно уничтожить появившихся демонов, но на это требовалось время и силы. По его расчётам — трое суток. И если обойдётся без сюрпризов, то на этот раз человеческих потерь не будет.

Арен вздохнул с облегчением и прислушался к себе. Геенна опять уснула, и, судя по всему, вновь она проснётся примерно через неделю. Хотя что-то хорошее... И жертв нет. Хватает того, что произошло в столице.

Двести шесть человек... Сумасшедшие.

— Гектор, переносись во дворец, — сказал император, связавшись с Дайдом. — И приходи к кабинету.

— Хорошо, — буркнул угрюмый Гектор. Выглядел он из рук вон плохо, видела бы это Эн...

Покосившись на стену, за которой должна была находиться сейчас девушка, Арен набрал номер браслета главного дворцового управляющего.

— Бруно, распорядись, чтобы в мой рабочий кабинет доставили обед на две персоны. Можно без десертов, лучше побольше мяса и чая.

— Будет сделано, ваше величество.

Эн точно была бы довольна его поведением.

Только увидев всю принесённую горничными еду, Арен по-настоящему понял, насколько проголодался. Ни вчера, ни сегодня он практически не ел, и теперь организм напомнил об этом лёгким головокружением и спазмами в желудке.

В результате к моменту, когда в кабинет зашёл Гектор, император уже справился с закуской и первым блюдом и приступал ко второму.

— Ничего себе, — бледный, со здоровенными синяками под глазами Дайд изумлённо улыбнулся, оглядывая заставленный стол. — Неужели вы это всё съедите?

— Я — нет, — ответил Арен, не прекращая жевать, и плевать ему было на приличия и манеры. — А вот мы с тобой — да. Присоединяйся. Я прекрасно понимаю, что ты не только не спал, но и не ел тоже.

— Да когда тут есть и спать, — пробормотал Гектор, усаживаясь рядом и без обиняков принимаясь накладывать себе еду. — Тут и в туалет сходить некогда.

Арен хмыкнул — да, такая проблема ему самому была хорошо знакома.

— Есть новости, Гектор?

— Навалом, ваше величество. Не к столу будет сказано, но Виго Вамиуса мы нашли. Точнее, он сам нашёлся. Всплыл сегодня около одиннадцати утра на окраине столицы.

— Всплыл в прямом смысле? — поинтересовался император невозмутимо.

— Ага, — столь же невозмутимо кивнул Гектор, не отрываясь от салата. — В Тудааге. Река выбросила его на берег. Он совершенно голый, даже без белья. Сейчас выясняем, в каком месте и кто подбросил его в реку, но пока без результатов. Причиной смерти стал один из видов крысиного яда, добавленный в вино. Думаю, это весьма символично. Крыса убежала из дворца, но крыса не должна была этого делать. Полагаю, Виго обязан был оставаться здесь, ведь последователям вашего брата нужен свой человек во дворце. А Вамиус решил, что хватит рисковать своей шкуркой, пока остальные отсиживаются в тылу, вот и дал дёру. Свои же и убрали.

— Думаешь, он запаниковал?

— Вряд ли, Виго не был склонен к панике. Скорее начал шантажировать заказчика. Это, конечно, пока только предположение. Думаю, он понимал, что терять ему уже нечего, вот и решил выйти из игры — забрать деньги и смыться подальше. Ему дали от ворот поворот, он заявил, что пойдёт и всё расскажет, — вот его и убрали. Первая крыса, сбежавшая с тонущего корабля. — Гектор весьма злобно усмехнулся. — Это хорошо. Но убил Виго явно не Арвен Асириус. По его приказу, возможно, но точно не он сам.

— Почему?

— Потому что Арвен — архимагистр, ваше величество. Он умеет сжигать людей так, чтобы от них оставалась горстка пепла. Это куда проще, чем сбрасывать труп в реку. Сжёт, пепел смёл под коврик — нет улики, нет проблем.

— Да, так действительно было бы гораздо проще. Может, Арвен не замешан?

— Вряд ли. Он был слишком дружен с Аароном. И сейчас ведёт себя слишком уж осторожно. Невиновные так себя не ведут. Он старается постоянно быть на виду, демонстративно выставляясь напоказ, не говорит ничего лишнего и при любой попытке повернуть разговор на политическую тему так или иначе отстраняется. Ему тоже дорога своя шкурка.

— Если она так всем им дорога, какого демона они полезли убивать мою дочь? — выдохнул император с яростью. — Что-то здесь не стыкуется, Гектор.

— Не стыкуются здесь только два неучтённых заговорщиками фактора. В первом случае неучтённым фактором стала наблюдательность Агаты, во втором — присутствие в магмобиле Софии Тали, которая настолько любила вас и вашу дочь, что оказалась способна стать абсолютным щитом.

— Гектор... — почти прорычал император, бросив полный гнева и боли взгляд на главного дознавателя.

— Я говорю это не для того, чтобы сделать вам больно, ваше величество, — продолжил Дайд спокойно. — Я говорю только о том, что преступники оба раза были очень близки к достижению цели. И во второй раз всё должно было получиться со стопроцентной вероятностью. Амулеты-нейтрализаторы испорчены, порталная ловушка на крови Аарона, артефакты заложены на соседних улицах, чтобы их не обнаружили. Идеально. Я крайне сомневаюсь в том, что после гибели дочери в огне порталной ловушки вы смогли бы удержать Венец.

— Но что дальше? У них ведь нет лидера среди Альго. Допустим, меня, потерявшего Венец и ослабленного, они бы убили. Но для осуществления такой политики, какую хотел проводить Аарон, нужен лидер. А его нет.

— Не обязательно лидер. Достаточно влияния. Конечно, Аарон проводил бы свою политику сам. Сейчас же, если вас не станет и на трон сядет кто-то другой, этого человека можно будет осторожно направить туда, куда надо, и я полагаю, что особого сопротивления он не окажет. Думаете, Алвару хочется рисковать жизнью ради нетитулованных магов? И при всём моём уважении к принцессе Анне — она тоже пошла бы на попятную, особенно в условиях угрозы для жизни её детей. Главное для последователей вашего брата — убрать вас, а что делать дальше, они бы разобрались.

— Согласен, — кивнул Арэн. — Особенно теперь, после такого количества погибших. Никому из моих родственников не захочется столкнуться с подобными... вещами. Проще отменить налогообложение для охранителей, разработать послабления по оплате за обучение для талантливых нетитулованных и вновь отменить браки. Чтобы не рисковать родовой магией.

— Да, ваше величество. Таким образом, вторая попытка убить Агату, которая сорвалась совершенно случайно, была нацелена не только на ваше ослабление, но и на предупреждение будущего императора. Весьма красноречивое предупреждение. Кстати, раз уж об этом зашла речь... Я не стал отправлять вам отчёт о беспорядках в империи, решил сам рассказать, но точно знаю, что Арманиус с утра уже пожаловался на своих студентов.

— Много стычек? Погибшие есть?

— Стычек много. — Гектор поморщился. — До смертоубийства пока не дошло, только крики и мордобитие. Но, если вы не вмешаетесь, может и дойти. Ситуация пока только набирает обороты. Мы с безопасниками стараемся гасить, но в одном месте потушишь, в другом — разгорится. Даже в институте артефакторики вспышка была, но там Янг всех спеленал ещё до нашего прибытия, молодец. Сказал мне потом, что сам чуть в гущу не полез, так аристократешек побить хотелось, но остановился «исключительно из уважения к его величеству».

— Я вмешуюсь, Гектор. Но завтра утром.

Дайд понимающе вздохнул.

— Хотите дать последователям вашего брата возможность прочувствовать всю глубину ямы, в которую они сами себя загнали?

— Ты всё верно понимаешь.

— Тогда вы должны знать ещё кое-что. По столице пошёл слух, что вчерашние события были организованы именно вами.

Арэн чуть не подавился чаем.

— Что?! Гектор, что это за ерунда?!

— Это ерунда, если знать подробности, как мы с вами. Но простые люди ничего не знают. Они знают только факты, напечатанные в газетах, — попытка убить наследницу, двести шесть человек погибших, однако наследница жива. А может, Агаты вообще не было в том магмобиле? Или была, но всё организовали так, чтобы девочка не погибла.

— И за каким... зачем мне это? — поинтересовался Арэн, устало потерев занывшие виски. — Устраивать порталную ловушку в центре города, недалеко от музея, где собрались представители других стран... Неужели кто-то в это верит?

— Конечно, — произнёс Дайд сочувственно. — Ещё как верят. Аристократия особенно, да и некоторые нетитулованные... которые без мозгов. Вспомните, что творилось на Дворцовой площади четыре месяца назад. Чтобы напугать союзников Аарона, вы его испепелили на глазах у сотен людей. Что вам двести человек, если вы брата не пожалели?

— Аарон пытался меня убить. На глазах у сотен людей.

— Я не обвиняю вас, ваше величество. Я рассказываю вам легенду, которую используют наши заговорщики для того, чтобы хоть как-то обелить себя. Думающие люди, конечно, пони-

мают, что правдой это быть не может, но далеко не все люди умеют думать. И они вполне способны поверить в то, что подобным образом вы пытаетесь заставить аристократию подчиниться вашим реформам.

— Я понял, Гектор. У тебя всё?

— Да, ваше величество.

Поначалу Виктории казалось, что Силван Нест задал ей очень простой вопрос. Любит ли она мужа? Ну конечно же да. Как тут можно сомневаться?

Но шли часы, и у Виктории возникало всё больше сомнений насчёт собственного ответа на этот вопрос. Не зря же психотерапевт его задал! Значит, есть какой-то подвох. Но какой?

— Анна, — сказала Виктория тихо, пока Алекс и Адель вместе рисовали на большом листе бумаги, окуная пальцы в краску. — Как ты думаешь, я люблю Арена?

Сестра мужа посмотрела на неё с откровенным удивлением.

— Вик, я же эмпат. Или ты забыла?

— Я поэтому и спрашиваю.

Анна покачала головой.

— Нет, ты не любишь его, Вик. Ты любишь себя. И давай на этом закончим. Я не считаю, что вправе вмешиваться в ваши отношения. Поговори лучше с Ареном.

«Ты не любишь его. Ты любишь себя».

Эти слова обидно жгли изнутри — Виктории казалось, что они несправедливы. Она прекрасно помнила, как восемь лет назад, практически сразу после свадьбы, она боготворила мужа. Ей нравилось в Арене абсолютно всё — его голос, улыбка, запах, большие и тёплые ладони, нежные, но настойчивые губы... Всё-всё! Она ловила каждый его взгляд, и ей так хотелось, чтобы он тоже восхищался ею.

Разве это была не любовь? Виктория никогда в жизни не испытывала подобных чувств. Ей очень хотелось находиться рядом с Ареном постоянно, но она не смела мешать ему днём, когда он был занят. Но и вечером муж не всегда оставался с ней. Это очень обижало — Виктория мечтала о том, чтобы Арен ночевал с ней каждую ночь, но такое случалось редко. Почти всегда он уходил к себе, и Виктория ничего не говорила по этому поводу — боялась рассердить, опасалась, что муж потом вовсе перестанет приходить. А ей так нравилось, когда Арен ночевал с ней! Невообразимо нравилось. Она обожала прижиматься к нему, нюхать, целовать, трогать. Но ещё слаще, чем ночь, было утро, когда муж ласкал её, и в этой сонной неге Виктории казалось, что он действительно любит её. Особенно когда Арен говорил, что она красивая.

Разве это не любовь? Никто другой ей не был нужен, Виктория ни на кого не смотрела — ждала только мужа, но как же мало времени он ей уделял! Конечно, у Арена и не имелось больше, но ей всё равно было мало!

Она очень хорошо помнила, когда именно поняла, что влюбилась. Нет, это случилось не во время помолвки — тогда они с Ареном виделись один-два раза в неделю, и это были слишком официальные встречи. Чаше всего он водил её в театр или на концерты, пару раз — в ресторан, и Виктории всё нравилось, но сильных чувств она не ощущала.

А потом настал день свадьбы. И во время церемонии, и после, на дворцовом приёме, она ощущала поддержку Арена. Он во всём старался облегчить её участь, и это было настолько заметно, что она даже растрогалась.

Но от страха перед первой брачной ночью ничего не спасало. Виктория прекрасно знала, что происходит в супружеской спальне, да и заставляла пару раз отца с любовницами, — ничего, кроме брезгливости, у неё этот процесс не вызывал. Она приходила в ужас, когда представляла, что ей скоро предстоит нечто подобное.

— Не бойся, — сказал Арен перед тем, как они отправились в её спальню. — Тебе не будет неприятно, я обещаю.

Она помнила, как смутилась в тот момент, осознав, что муж должен чувствовать её страх.

— Будет больно, — прошептала Виктория, глядя на него с опаской.

— Это ненадолго, — улыбнулся Арен, и в этой улыбке не ощущалось ничего обидного — только ласковая теплота. — Пойдём.

В спальне у Виктории от страха начался озноб. Она стояла посреди своей комнаты, тогда ещё совсем незнакомой, и тряслась так, что зубы стучали.

Арен молча обнял её, поцеловал в макушку, как маленькую, и продолжал обнимать, согревая, пока она не перестала трястись.

— Может, не надо? — прошептала Виктория, и он засмеялся, но и смех этот не казался обидным.

— Тебе будет хорошо, Вик. — Он вдруг сделал шаг ей за спину и начал расстёгивать платье. — Стой, не двигайся.

Раз, два, три... десять крючков. Она ожидала, что Арен сразу снимет платье, но он не стал этого делать. Вместо этого он погладил её по спине тёплыми ладонями — медленно, тягуче, и от этих движений Виктории вдруг захотелось застонать.

Арен ласкал её спину, плечи, шею — сначала только руками, но затем к ним присоединились и губы. И когда Виктория почувствовала первый поцелуй возле лопатки, она сдавленно охнула, задрожав, но уже не от страха. Ей захотелось, чтобы Арен прикоснулся не только к спине. Но даже говорить о таком казалось стыдным.

А он всё медлил, всё гладил и целовал, и с каждым движением, с каждым прикосновением Виктория ощущала, как быстрее колотится сердце, учащается дыхание, а внутри всё сильнее и сильнее скручивается тугой и жаркий узел чего-то невероятно приятного.

Да, именно тогда всё и началось. Той ночью, когда Арен, сам того не ведая, навсегда избавил Викторию от страха перед физической близостью. Она ведь так боялась! Но настал момент, когда она, не выдержав, прошептала:

— Ещё... — и замолчала, не зная, как сказать о таком. Как объяснить, что хочет, чтобы он наконец снял с неё это дурацкое платье?

— Я чувствую, что тебе приятно, Вик, — произнёс Арен, разворачивая её лицом к себе. — Но, раз ты просишь, сейчас станет ещё приятнее.

Приятнее? Нет, это не то слово. Она просто горела от страсти и желания, пока он целовал и трогал её, всю и везде, и не заметила никакой боли. Кровь была, и утром Виктория с изумлением рассматривала большое алое пятно на простыне. Судя по нему, ей должно было быть очень больно. Но ей не было больно!

— Ты убрал боль как-то... ментально? — спросила она Арена вечером следующего дня, и он покачал головой.

— Нет, Вик. Я просто хорошо тебя подготовил.

Виктория смутилась, и он засмеялся, разрушив этим смехом её смущение.

Разве же это не любовь?.. Нет-нет, конечно, она очень любит Арена. И всегда любила.

Но почему, почему же тогда психотерапевт задал этот вопрос?

Попросив хозяйственный комитет обеспечить ему связь на следующий день в девять утра, Арен перенёсся к сестре. Она уже давно находилась в своих покоях, сидела на мягком ковре бронзового цвета и играла с Адель в куклы. Император поцеловал сначала племянницу, потом сестру и сел рядом с ними.

— На, — сказала Адель, протянув ему одну из кукол — свою любимицу, светловолосую красавицу Анжелику. Правда, это имя Адель в свои год и четыре месяца выговорить не могла и называла куклу Икой. — Иай.

— Играю, — кивнул Арен и сделал вид, что ходит куклой по полу. Адель важно кивнула и отошла к игрушечным качелям, где сидели ещё три куклы. Плюхнулась рядом и начала их качать, что-то напевая себе под нос.

— Как ты? — спросила Анна, глядя на него с беспокойством. — Ты хоть ел, Арен? А то я же тебя знаю...

— Ел, не волнуйся.

— Расскажи мне, что с Агатой, — попросила сестра тихо, оглядываясь на Адель — но девочка была занята и не обращала внимания на взрослых. — Я же понимаю — если она не возвращается во дворец...

— С Агатой всё в порядке, она цела. Дело в абсолютном щите, в который превратилась София. Моя дочь держит его, и он не исчезает.

— Что?..

Арен кратко поведал сестре обо всём, кроме одного. О своём решении отдать Софии часть собственной жизни он говорить не стал. Ни к чему ей это знать, впрочем, как и всем остальным.

— Ох, Арен... — вздохнула Анна, покачав головой. — Это та самая Эн, с которой ты танцевал на приёме в честь Праздника перемены года?

— Да.

— Я помню её, и от Арчибальда много слышала. Она, конечно, талантливая, но... А если не получится?

— Если не получится, мы все будем жить дальше. Так же, как живём сейчас.

Беспокойство из взгляда Анны так и не уходило.

— Виктория с ума сойдёт, когда узнает.

— Демоны с ней. Она в любом случае будет ревновать и закатывать истерики. Не один повод, так другой.

— Повод? — Губы Анны искривила ироничная усмешка. — Не припомню, чтобы ей для этого нужен был повод. Она их всегда сама придумывала.

— Ани, я знаю, ты её не любишь, — вздохнул Арен. — Но...

— Как я могу её любить? — перебила его сестра. — Все эти годы она портит тебе жизнь. Я трижды пыталась поговорить с ней, объясняла, что эмпатам нужен эмоциональный покой. Но безрезультатно. Она заиклена на себе, своих проблемах и обидах. И...

— Ани, — Арен прервал поток возмущений, прикоснувшись к ладони сестры. — Сейчас Вик занимается с психотерапевтом, он просил меня не отталкивать её, если она захочет поговорить. А я в свою очередь прошу тебя.

— Хорошо, — Анна поморщилась. — Сегодня она у меня, кстати, спрашивала, как я думаю, любит ли она тебя.

От удивления Арен даже онемел на секунду.

— А ты что ответила?

— Что я могла ответить? Сказала, что нет и вообще ей лучше у тебя спросить. Вот жди теперь этого вопроса.

— Ясно, — он хмыкнул. — Спасибо, что предупредила.

Когда Арен перенёсся в детскую, как раз настало время ужина, и он поел вместе с Алексом и Викторией, расспрашивая сына о прошедшем дне. Мальчик скучал по Агате с Софией и интересовался, когда они вернутся.

Про Агату спросила и жена, как только они с трудом, но всё-таки уложили Александра спать. И во время ужина, и после, и сейчас Виктория вела себя на удивление тихо, но, что она при этом чувствовала, Арен не имел понятия — он по-прежнему держал эмпатический щит, не ослабляя его ни на секунду. Опасался, что любой взрыв посторонних эмоций может способствовать его собственному срыву. Особенно если это будут эмоции Виктории.

— Агата вернётся скоро, — ответил Арен спокойно и, подхватив жену на руки, понёс к камину. — Не беспокойся. Она жива и совершенно здорова.

— Ты не хочешь, чтобы я навещала дочку, из-за того, что она эмпат? — уточнила Виктория чуть дрожащим голосом. Глаза её уже начинали наполняться слезами, и Арен глубоко вздохнул, стараясь успокоиться.

В этом была вся Виктория. Не «из-за того, что я не умею контролировать свои чувства», а «из-за того, что наша дочь — эмпат». Вот обязательно ей всё с ног на голову надо перевернуть.

— Так просто лучше, — сказал Арен, выходя из камина в спальне жены и медленно ставя её на ноги. — Не волнуйся. Ты увидишь Агату совсем скоро.

— Арен... — Виктория потянулась к нему, обняла и прижалась губами к щеке. — Не уходи, пожалуйста!

Она осыпала лихорадочными поцелуями его лицо, а император сдерживался изо всех сил, чтобы не оттолкнуть её. Неприятно было до тошноты и ломоты в висках.

Защитник, ему самому скоро психотерапевт понадобится. Ну почему он всё время должен пересиливать себя, сдерживаться и чем-то жертвовать? Почему?!

— Прости. — Он осторожно отцепил руки жены от своей шеи и покачал головой, отстраняясь. — Я уйду, потому что хочу сейчас находиться в другом месте.

— В каком? — спросила Виктория робко. Вспышки ревности или гнева Арен не заметил, но на всякий случай всё же укрепил эмпатический щит.

— С Агатой.

— Возьми меня с собой! Это ведь и моя дочь тоже! — попросила жена. — Пожалуйста!

— Мы говорили на эту тему, Вик. Ты увидишь Агату, но позже.

Она вздохнула и опустила голову.

— Ты тоже считаешь, что я тебя не люблю, да? — И столько тоски слышалось в голосе, что Арен моментально понял — Виктория очень хочет, чтобы он её пожалел и сказал «нет».

— Прежде чем отвечать на этот вопрос, надо разобраться, что такое любовь, — произнёс он так спокойно, как мог, хотя внутри всё полыхало от ярости и раздражения. — Вик, у меня был тяжёлый день, и завтра, скорее всего, будет ещё тяжелее. Я понимаю, тебе хочется поговорить, особенно после первого сеанса с психотерапевтом. Но давай отложим это хотя бы ненадолго.

Она удручённо кивнула, опуская голову ниже.

— Хорошо, Арен.

Защитник, и почему он сейчас чувствует себя так, будто ребёнка обидел?

— Мы обязательно поговорим с тобой, но чуть позже, — сказал император, отворачиваясь к камину. И, не выдержав, бросил перед тем, как войти в огонь: — А пока попробуй для разнообразия пожалеть не себя, а кого-нибудь другого.

Глава 6

Арен вновь ночевал с Агатой, обнимая дочь, но уснуть никак не получалось, и он всё смотрел и смотрел сухими глазами в пространство, ощущая внутри одновременно безумное отчаяние и бесконечную надежду.

Император сказал Анне, что они будут жить дальше, даже если ничего не получится, но при этом он не представлял, как станет жить без Софии. Эти дни Арен держался только на вере в то, что его солнечное счастье вернётся. Но ведь этого может и не случиться.

Что тогда?

Ничего. Всё то же самое, чем он жил последние годы — беспросветная тьма, долг и нескончаемые обязанности. Останутся только дети, которых он должен защитить во что бы то ни стало.

Арен вздохнул и положил руку на один из сжатых кулачков Агаты, погладил её нежную кожу, коснулся светящейся паутины абсолютного щита. София... искренний и чистый человек, его человек, которому хватило глубины собственного сердца, чтобы превратиться в чудо. Хватит ли ему сил, чтобы вернуть её? Арен не знал, но надеялся, что бесконечное чувство, подаренное ему кем-то свыше, поможет возродить Софию. Он очень хотел, чтобы она жила.

Этой ночью император почему-то вдруг вспомнил тот день, когда умирающий отец позвал его к себе и попросил не отречься от престола, зная, что Арен думал об этом.

— Почему ты решил, что Венец выберет меня? — спросил он тогда с недоумением. — У нас с Аароном и Анной одинаковый резерв, но они старше меня, следовательно, должны быть сильнее. Венец выберет Аарона.

Отец покачал головой, глядя на него мутными чёрными глазами. Такая муть считалась предвестником скорой смерти.

— Венец сделал свой выбор, когда тебе было три года, Арен.

Он так удивился, что даже промолчал.

— Ты не помнишь этого, — продолжал отец. — Но я приносил вам с Аароном и Анной Венец, вы хотели посмотреть. Точнее, хотели они, а ты... Ты просто подбежал и схватил его, я даже не успел ничего сделать. Аарон попытался отнять, но артефакт обжёг его.

Арен продолжал ошеломлённо молчать, пытаясь выудить из собственной памяти этот эпизод. Безуспешно.

— Я уже тогда понял — Венец выбрал тебя. И я с ним согласен. Императором должен быть ты. Ты — сильнейший.

Теперь, вспоминая разговор с отцом, Арен усмехался. Да, всё оказалось именно так, как он говорил, — Арен почувствовал притяжение Венца, как только императора не стало. И во время Дня Альганны он ощущал сопротивление артефакта, который совершенно не желал ложиться на голову Аарона, словно обладал волей и сознанием.

«Надо было позволить Венцу опуститься на голову брата, — подумал Арен с горечью. — Скорее всего, он сжёг бы Аарона без моей помощи».

Но император тогда не хотел никого убивать и надеялся, что брат остановится. Если бы он только знал...

Когда Арен всё же задремал, дверь с тихим шорохом открылась и в палату вошла Эн. Он не видел её, но почему-то ощущал, что это именно она.

И тихо спросил, не открывая глаз:

— Почему ты не сказала на консилиуме о том, что мне нужно будет отдать часть своей жизни?

Вздых и такое же негромкое:

— Потому что это только ваше дело. Никто, кроме меня и вас, не узнает.

— А Валлиус?

— Брайон будет на процедуре, и он, скорее всего, догадается. Но ничего не скажет.

Арен молчал несколько секунд. Хотелось что-то сказать, но что? В словах не имелось никакого смысла.

— Спасибо, Эн.

— Спите, — прошептала она умоляюще. — Используйте ментальную магию, если не можете уснуть. Вам нужно набраться сил. Если не получается ради себя, спите ради Агаты с Софией.

Он кивнул и, как только Эн вышла, сделал так, как она сказала — усыпил себя, погружившись в спокойную темноту сна, где не было ни тревог, ни мыслей.

Проснувшись в шесть утра, как и всегда, император перенёсся во дворец, перебрал оставленные секретарём документы и пошёл будить Алекса, не захватив с собой Викторию. Он специально решил не заходить к ней, чтобы не сбивать себе настроение. Потом разберётся с претензиями.

Отдав проснувшегося сына Анне и попросив сестру позавтракать вместе с Викторией, Арен вернулся в кабинет и, пока оставалось время, быстро написал на листке бумаги план будущей речи. Без подробностей, только тезисы. Можно было бы обойтись и без этого, но император опасался, что сегодня он что-нибудь забудет. Ему всё же было слишком не по себе перед предстоящей процедурой.

Ровно в девять часов утра Арен встал возле окна и, используя браслет связи, открыл канал передачи собственной проекции для всех жителей Альганны, достигших шестнадцатилетнего возраста.

— Доброе утро всем, кто меня слышит, — сказал Арен, глядя прямо перед собой в туманную дымку ответных чар. — К сожалению, ситуация в стране в настоящее время такова, что я вынужден обратиться к гражданам. Позавчера в центре столицы совершили покушение на мою дочь. Я хочу выразить соболезнования всем, кто потерял в этот день своих близких. Организаторы пока не пойманы, но у меня нет никаких сомнений в том, что эти люди имеют отношение к заговору моего брата Аарона. В связи с произошедшим я прошу всех, кому известна какая-либо информация, поделиться ею с дознавателями. Даже если вы причастны к этому преступлению, в случае сотрудничества с властями вам даруют помилование. Остальных ждёт смертная казнь. — Арен на мгновение замолчал, решив дать возможность осмыслить его слова. — Я прошу тех, кого переполняет возмущение из-за этих событий, помнить о том, ради чего я принимал закон о передаче титулов. Главной причиной был мир. Мир в нашей стране. Я не желаю никакой войны. Я не желаю, чтобы социальное неравенство в нашем обществе привело к столкновениям и жертвам. Неважно, что вами движет и на какой стороне вы находитесь, — если вы идёте бить и убивать, вы приравниваетесь к преступникам. К тем самым, которые убили двести шесть человек мирных граждан и хотели убить мою дочь. Поэтому я прошу тех, кто уважает меня и мою политику, удержаться от каких-либо конфликтов. Проигнорировавшие мои слова будут наказаны по всей строгости закона, невзирая на наличие или отсутствие титулов. Я стою на страже мира в Альганне и прошу вас делать то же самое.

Подождав секунду, глядя в туманную дымку абсолютно чёрными глазами, Арен прервал связь.

Просмотрев отчёт Арчибальда об уничтожении демонов Геенны, император быстро позавтракал — Эн предупреждала, что это необходимо сделать в день процедуры, — а затем шагнул в камин и построил пространственный лифт в коридор госпиталя.

В реанимационном отделении царил суёт. Повсюду носились туда-сюда врачи и медсёстры, и только охранники, находившиеся здесь сегодня на каждом шагу, сохраняли спокойствие и невозмутимые лица.

— Ваше величество... ваше величество... — шелестели приветствия со всех сторон, люди склоняли головы, но император даже не смотрел и не кивал, всем существом стремясь скорее попасть в палату к Агате и Софии. И только он собирался войти внутрь, как дверь открылась и в коридор вышла Эн, которая казалась бы совершенно невозмутимой, если бы не необычайная бледность лица.

— Здравствуйте, ваше величество, — сказала она слегка дрожащим голосом. — Идите внутрь. Айл Вагариус, вы пока оставайтесь здесь. Нам нужно перенести Агату в другую палату, а потом я вас приглашу. Айла Тали, прошу вас находиться в коридоре, что бы ни случилось, до тех пор, пока я или главный врач госпиталя вас не позовём.

Арен на секунду оглянулся и обнаружил за спиной очень взволнованных Вану Вагариуса и Синтию Тали. Синтия сидела на скамейке, а безопасник стоял рядом, положив руку ей на плечо, и выглядело это так просто и естественно, будто они давно знали друг друга. Он кивнул обоим и тут же, не мешкая, зашёл в палату. Вслед за ним шагнула и Эн.

Агата по-прежнему лежала на койке, окружённая сияющей паутиной абсолютного щита, а Брайон Валлиус в перчатках отсоединял от неё датчики «колпака».

— Берите дочь на руки, — произнесла Эн уже более твёрдо. — И идите в палату четыреста десять, это напротив. Там всё уже готово.

Арен молча подошёл к Агате, наклонился и очень осторожно поднял её, прижимая к себе и ощущая приятное тепло от энергетического контура Софии.

«Папа...»

— Не волнуйся, моя радость, — прошептал он, целуя и Агату, и Софию. — Всё будет хорошо.

Он обернулся, Эн распахнула дверь, и император вышел в коридор. Эн шмыгнула за ним, распахивая теперь уже двери палаты напротив, и махнула рукой Вану:

— Идёмте.

Новая палата оказалась просторнее и светлее, и если бы не жуткий аппарат с металлическими рычагами, издававший треск и гудение, помещение даже выглядело бы уютным. Справа от выхода обнаружилась ещё одна дверь — она была открыта, и за ней Арэн заметил две застеленные койки и какие-то приборы. Он прекрасно понимал, что находящееся там предназначено уже не для Агаты и Софии, а для них с Эн.

Император опустил дочь на койку — здесь она была не менее широкой, чем в прежней палате, а от свежих простыней пахло чем-то цитрусовым — и выпрямился, вопросительно глядя на Эн, Вану и Брайона.

Валлиус сразу подошёл к трещащему аппарату и начал что-то проверять, щёлкая рычагами, а Эн села на койку рядом с Агатой и заговорила со спокойной ласковостью:

— Давай ещё раз повторим, что тебе нужно делать, Агата. Твой папа сейчас по команде перехватит контур Софии, и как только он это сделает, тебе нужно будет проснуться. Если ты не сможешь сделать это сама, мы поможем, это не больно. Просыпаешься, отпускаешь контур, а потом мы с Вану осторожно вытащим тебя оттуда. Вану отнесёт тебя в ту палату, где ты уже лежала, и побудет с тобой до тех пор, пока не придёт папа. Вот и всё. Запомнила?

Видимо, Агата ответила утвердительно, потому что Эн встала с койки и повернулась к императору и Вану.

— Айл Вагариус, мы всё с вами обсуждали ранее, маленькая деталь — на столе лежат перчатки из драконьей кожи, надевайте их. Рядом с ними — халат, завернёте в него Агату, как только она вылезет из контура. После того как вы занесёте её в палату, к вам зайдут заведующие терапией и реанимацией, они осмотрят девочку. Пижама, тёплые носки и тапочки вам

принесут, поможете ей одеться. У Агаты будут болеть ладошки, не волнуйтесь, это нормально. — Эн вздохнула, переводя дух. — Насчёт того, можно ли ей есть и что именно, вам скажут заведующие. Вроде бы всё.

— Не волнуйтесь, Эн, — кивнул Вагариус. — Я всё понял. Справлюсь.

— Хорошо. Ваше величество... вам нужно раздеться. Желательно до нижнего белья, иначе мы не сможем поставить датчики.

Арен кивнул и молча снял с себя всё, оставшись в одних трусах, положил одежду на стул, стоявший возле окна, и сел на койку рядом с дочерью.

— Сейчас поставим датчики, подождите пока.

Эн и Валлиус вдвоём быстро прикрепляли к нему металлические круглые пластинки — шипы, они присасывались к коже. Виски, шея, плечи, грудь, запястья, бёдра, щиколотки... Арен их не считал. Один только раз он поднял глаза от Агаты, посмотрел на Эн — и заметил, что щёки её из бледных стали розовыми. Император ничуть не удивился, понимая, что без одежды напоминает Эн кое о чём неприятном.

Но ему сейчас было всё равно.

— Мы ставим датчики рядом с узловыми точками вашего контура, — заговорила Эн вдруг, словно пытаясь отвлечь саму себя от лишних мыслей. — Так воздействие станет более эффективным. На самом деле, узловых точек больше, и я специально разрабатывала схему, на какие лучше опираться, — исходя из своих прежних исследований. Между ними не должно быть слишком большого расстояния, но и частить тоже не нужно — воздействовать необходимо равномерно на всё тело, без перекоса в ту или иную область.

— Ясно, Эн.

— Готово, — выдохнула девушка, вновь бледнея от волнения. — Ваше величество, перехватывайте контур на счёт «три» недалеко от кулачков Агаты. Вот здесь и здесь. — Арен кивнул, непроизвольно выпрямляясь и сглатывая. — Раз. Два. Три!

Это было несложно. Император уже трогал контур Софии, и сейчас требовалось только изо всех сил сжать тонкую паутину, которая оказалась неожиданно податливой и упругой, словно человеческая кожа.

— Всё. Агата, просыпайся и отпускай контур.

Молчание. Они вчетвером напряжённо уставились девочке в лицо, и поначалу казалось, будто оно не меняется. Но потом Агата вздохнула глубже, и ресницы её задрожали.

— Молодец, молодец! — похвалила наследницу Эн. — Давай, открывай глазки.

Медленно, вздыхая и облизывая сухие губы, Агата открыла глаза, которые сразу же заслезились.

— Отвыкла от света, — пробормотал Валлиус за спиной Арена. — Можешь зажмуриться, если тебе сложно. И разжимай пальцы.

Агата застонала, морщась, лицо её исказилось, кулаки задвигались, но пальцы разжать у неё не получалось.

— Двое суток контур держала, не удивительно, — вздохнула Эн, наклонилась и стала помогать наследнице, массируя её кулачки и аккуратно разжимая маленькие пальчики. — Умница моя! Вот сейчас всё разожмёшь, потом водички попьёшь, съешь что-нибудь вкусное...

— Боль-но...

Арену и самому было больно смотреть, как мучается его маленькая девочка, но он ничем не мог помочь, мог только тоже начать разговаривать с нею.

— Зато ты спасла Софи, моя радость. Ты держала её, поэтому тебе сейчас больно. Ты умница, и я тобой горжусь.

Агата замерла на секунду — и наконец разжала руки.

— Отлично! — обрадовалась Эн. — Ваше величество, держите, не отпускайте.

— Я не отпущу.

— Агата, мы сейчас сделаем тебе небольшое, скажем так, отверстие для выхода возле головы. Просунешь туда макушку, а дальше мы тебя подхватим и вытащим. Совсем несложно. Брайон...

Арен с изумлением наблюдал за тем, как Эн и главный врач госпиталя осторожно раздвигают в разные стороны светящиеся нити контура и скрепляют их металлическими зажимами, чтобы не вернулись на место. Минута — и рядом с головой Агаты оказалась «дырка».

— Просовывай сюда голову, — сказала Эн, прикоснувшись ко лбу девочки и направляя её в сторону отверстия в контуре. — Ваню, помогите вытащить.

Безопасник, склонившись, сначала потянул Агату вверх, аккуратно обхватив голову в районе ушей, затем переместил ладони под плечи и в конце концов вытащил наследницу наружу.

— Папа... — просипела Агата, пытаясь открыть слезящиеся глаза.

— Не волнуйся, моя радость, — сказал Арэн тепло и спокойно, как никогда жалея сейчас, что не может обнять свою девочку. — Побудь пока с Ваню, а потом и я приду.

— Софи... — Агата пыталась рассмотреть, что творится вокруг, морщилась — глаза открыть не получалось, а Вагариус в это время заворачивал наследницу в халат.

— Мы постараемся её вернуть. Будь умницей, слушайся Ваню и докторов.

— Да... папа...

— Айл Вагариус, уносите, — произнесла Эн немного нервно. Арэн посмотрел ей в лицо — она вновь была очень бледной, даже слегка зеленоватой, будто её тошнило.

Ваню с Агатой на руках вышел из палаты, и на пару секунд в помещении повисла такая тишина, что треск жуткого аппарата с металлическими переключателями показался Арэну оглушительным.

— Ваше величество... — Эн кашлянула. Она явно изо всех сил пыталась справиться с голосом, который дрожал и рвался, словно слишком сильно натянутая струна. — Вы всё-таки хотите попробовать?

— Да, Эн, — ответил Арэн со спокойной твёрдостью. — И Защитника ради, не тяните.

Она кивнула, отворачиваясь, и пошла к столу, где главный врач уже открывал небольшой медицинский чемодан и доставал оттуда шприц и ампулу.

— Это катализатор сознания, — сказал Валлиус, набирая в шприц мутно-зелёную жидкость. — Чтобы вы его ни в коем случае не потеряли. Вы, в отличие от Агаты, находитесь не в коме, и если отключитесь, контур выпустите. А отключиться вы можете — это нормальная реакция организма на боль. — Врач подошёл ближе и, быстро найдя вену на руке императора, ввёл препарат, а затем, вынув иглу, залечил ранку магией.

— Окружающее стало ярче, — заметил Арэн, оглядываясь. — И как будто светлее.

— Так действует катализатор, — подтвердила Эн, подходя ближе, а Брайон, наоборот, отошёл к аппарату. — Сейчас начнём. Только вам лучше лечь на койку, сидеть будет сложнее. Ложитесь вот сюда, рядом со щитом, можно на бок, лицом к контуру Софии и ко мне. Я рядом, буду следить за вашим состоянием. Если вам покажется, что вы не выдерживаете и слишком больно, скажете «стоп», и мы сразу прекратим... процедуру.

— Хорошо. — Арэн медленно и аккуратно лёг на койку боком, продолжая сжимать в кулаках контур Софии.

— Вам удобно? Нужно лечь как можно удобнее, так легче держать.

— Удобно, не волнуйся.

Не волноваться Эн явно не могла — она кусала и облизывала сухие губы, сглатывала, и глаза её постоянно бегали туда-сюда, словно девушка проверяла, всё ли они сделали правильно.

— Я включу первый уровень тока на счёт «три», — произнёс Валлиус, щёлкнув одним из переключателей, отчего аппарат загудел. — Всего этих уровней десять. Естественно, с первым ничего не получится, в лучшем случае — с девятым-десятым. Но сразу включать высокий

уровень нельзя, иначе риск потери сознания возрастёт несмотря на катализатор. Всё, готово. Ваше величество?

— Я тоже готов, — подтвердил Арен, глубоко вздыхая, словно в последний раз. Нервничал он не из-за себя, боль его не волновала. Он переживал только за Софию. Смогут ли они вернуть её?

Только бы получилось.

— Раз... два... три...

Щелчок. И через датчики, закреплённые на императоре, в его тело полилась боль. Она ощущалась как лёгкое напряжение в венах и артериях — их словно чуть натянули, и не зря он сделал глубокий вдох — дышать теперь оказалось тяжеловато.

— Второй уровень.

Боль усилилась, но ненамного.

— Третий.

Заныло в висках.

— Четвёртый.

В груди закололо, и Арен поморщился — неприятно, как будто кто-то иголки втыкает.

— Пятый.

Теперь в груди ещё и запекло, словно иголки внезапно раскалились.

— Шестой.

Появилось напряжение в глазах, и Арен закрыл их, чтобы стало легче.

— Седьмой.

Начало сводить мышцы.

— Восьмой.

— Ваше величество, вы как? — спросила Эн с беспокойством, пока император пытался сделать вдох. Мышцы сводило всё сильнее, особенно в груди, и ужасно хотелось растереть её.

— Продолжайте, — прохрипел Арен с трудом и всё же вздохнул, и звук от этого вздоха получился такой, что ему самому стало не по себе.

— Девятый...

Затрещал и лопнул эмпатический щит, и это оказалось куда хуже, чем всё остальное, — император сразу ощутил волны ледяной тревоги от Эн и Валлиуса. Держать контур стало труднее, и Арен изо всех сил сжал кулаки, чтобы не выпустить, ни в коем случае не выпустить.

— Десятый.

Защитник! Это демонски напоминало День Альганны, когда брат направил через Венец энергию университета, чтобы убить Арена. Тогда он чувствовал такую же беспомощность, и даже больно было почти так же. Хотя... нет, тогда было больнее.

— Не получается... — прошептала Эн, и император с трудом открыл глаза. Всё осталось по-прежнему — он лежал на койке, ощущая, как пот градом катится по горячей коже, сжимая в руках контур Софии, который находился перед ним — светящаяся паутина в форме человеческого тела.

— Выключать? — слышался голос Валлиуса от аппарата, и Арен громко и резко сказал, неизвестно откуда взяв силы:

— Нет! Продолжайте.

— Ваше величество... — Эн, кажется, трясло, но видел он плохо — глаза заливало потом. — Дальнейшее повышение напряжения...

— Продолжайте. Это приказ.

— Эн...

— Брайон, у меня есть версия, что София вернётся только в том случае, если боль будет запредельной. Абсолютный щит возникает, если опасность смертельная, вот и боль должна быть...

— Ваше величество! — Голос Валлиуса наполнился возмущением, а эмоции — страхом.
— Вы понимаете, что...

— Я понимаю. Продолжайте. Пока ничего запредельного. Я даже могу говорить.
Эн всхлипнула.

— Вы можете говорить не потому что вам не больно, а потому что это вы, — сказала она прерывающимся голосом, и от неё к Арену вдруг пошла волна нежности — ему даже чуть легче стало. — Брайон, поставьте одиннадцатый уровень.

— Мы все тут ненормальные, — пробормотал главный врач, щёлкнув переключателем, и у императора потемнело в глазах. — Одиннадцатый.

Защитник, как же колотится сердце.

— Ещё, — прохрипел Арэн. Чужой страх усиливался вместе с его болью, и он ощущал теперь не только сердце, но и все внутренние органы, и даже энергетический контур.

— Двенадцатый, — простонал Валлиус. — Ваше величество, вы же себя угробите!

— Сначала должен сломаться контур, — сказала Эн с отчаянием в голосе. — Смерть наступает намного позже. Контур я вам восстановлю, если что.

— Эн!!!

— Продолжайте! — потребовал император сипло. — Ну же!

Щёлк.

— Тринадцатый!

— Смотрите, — выдохнула Эн. — Арэн, Арэн! Смотри!

Глаза будто бы слиплись, но всё же император открыл их, и от того, что он увидел, боль на секунду отступила.

Сила... сила в абсолютном щите начала двигаться с бешеной скоростью, и свечение увеличилось настолько, что нити контура почти слились между собой.

— Дальше! — взвизгнула Эн. — Брайон, ещё!!!

— Четырнадцатый!

Арэн зажмурился — свечение стало нестерпимо ярким.

— Ещё, ещё!!!

— Пятнадцатый!

— А-А-А-А-А-А-А!!! — заорала Эн, Валлиус громко выругался, и император тоже хотел бы заорать или выругаться, но он уже ничего не мог — ни говорить, ни ругаться, ни дышать. Всё его существо заполнила боль, такая же абсолютная, каким вдруг стало свечение контура Софии — оно проникло даже сквозь зажмуренные веки, почти ослепляя, а его собственный контур начал дёргаться, растрачивая силу и грозя сломаться сразу в нескольких местах.

Свечение погасло так же неожиданно, как и появилось, и после этого Эн завизжала ещё громче, чем раньше:

— ДЕРЖИ-И-И, ДЕРЖИ-И-И ЕЁ!!!

Её?..

Арэн вздрогнул, осознав, что вместо упругих нитей контура он сжимает чьи-то ладони.
София!

— Брайон, выключайте, выключайте!!! — кричала Эн, и император понял, что она рыдает. — Скорее, скорее!!!

— Энни, успокойся, успокойся! — орал главный врач, щёлкая переключателями как сумасшедший, и с каждым щелчком Арену становилось всё легче и легче, боль уходила, оставляя онемение в теле и тяжесть в груди. — Ты беременна, не забывай об этом!

— Я помню, — девушка всхлипнула. — Ваше величество...

Арэн наконец смог открыть глаза и, моргнув несколько раз — вокруг всё было мутным, словно он смотрел на отражение в воде, — сосредоточиться на том, что оказалось перед ним.

София. Обнажённая. Живая.

София.

— Держите её, не отпускайте, ещё нельзя, — сказала Эн испуганно, и он кивнул, чувствуя себя таким счастливым, что даже глаза стали влажными. Но через секунду Арен понял, что это не слёзы, а кровь из-за магического перенапряжения. Она текла и из носа, и из ушей, и во рту был металлический привкус.

— Всё, — выдохнул Валлиус, щёлкнув переключателем в последний раз. — Ноль. Ваше величество, вы можете говорить?

— Могу, — произнёс Арен каким-то чужим, тихим и глухим голосом. — С трудом.

Зрение становилось всё лучше, и он с удивлением рассматривал контур Софии, который, как Эн и предполагала, располагался недалеко от тела девушки. Единственным местом, где он лежал как необходимо, были её ладони там, где их сжимал Арен, — только здесь контур находился внутри тела, а не снаружи.

— Сейчас нужно вернуть Софии сознание. — Эн шмыгнула носом, и император, подняв голову, заметил, что она действительно вся в слезах и с красными глазами. — Только тогда имеет смысл пришивать контур и... всё остальное. Надо разбудить Софию. Попробуйте сделать это как-нибудь. Позовите её. Только не пользуйтесь пока ментальной магией, у вас и так перенапряжение.

— У меня сейчас ощущение, что я никогда не смогу пользоваться магией. Любой.

— Сможете. Контур в порядке. — Эн вздохнула, вытерев лицо ладонями, а затем достала из нагрудного кармана платок и стёрла кровь и пот с лица и шеи Арена. — Ну и сильны же вы, ваше величество... Ни один человек не выдержал бы.

И она, и Брайон больше не чувствовали страха, хотя и немного беспокоились. Только беспокойство Валлиуса было направлено скорее на Эн, её же тревога разбавлялась нежностью. Но удивляться по этому поводу у Арена не осталось сил.

— Софи, — позвал он, придвигаясь чуть ближе и чувствуя, как дрожит тело из-за сведённых мышц. — Софи, просыпайся.

Она не откликнулась, дыхание осталось ровным, размеренным, а глаза — закрытыми.

— Софи...

— Ложитесь, — перебила его Эн. — Ложитесь прямо на неё. Дальнейшим нашим действиям вы не мешаете, а она... будет лучше чувствовать.

— Разврат, — хмыкнул Валлиус, и Арен улыбнулся бы, но мышцы на лице тоже сводило, и улыбаться он не мог. Разговаривать и то с трудом получалось.

Не выпуская из рук ладони Софии вместе с её контуром, император лёг сверху на девушку. Это было не слишком легко из-за рук, которые приходилось держать на уровне живота, и Арен едва не рухнул от напряжения.

— Поднимите её руки вверх и прижмите их к груди, — посоветовал Брайон. — Так вы сможете расслабить хотя бы ноги. Пока вы держите её, ничего не случится. Двигаться можно.

Император сделал так, как сказал Валлиус, и чуть не застонал — настолько сразу стало легче.

— Софи, — прошептал он, склоняясь к губам девушки. — Софи, вернись ко мне.

Молчание.

— Софи... — Он всё же поцеловал её — сначала в щёку, мягкую и тёплую, а затем в сладкие губы. — Счастье моё, вернись, прошу тебя.

Ресницы её задрожали, и Арен поцеловал девушку ещё раз.

— Софи, ты слышишь меня? Просыпайся, пожалуйста. Это я, Арен.

Она резко распахнула глаза и, открыв рот, выдохнула:

— Арен...

Тут же зажмурилась и, всхлипнув, просипела, почти как Агата получасом ранее:

— Больно...

— Держите её, ваше величество, — услышал император голос Валлиуса, и они с Эн заходили, забегали вокруг койки. — Не отпускайте!

— Я держу.

— Я сейчас вколю Софии снотворное, — сказала Эн, и он, подняв голову, увидел шприц в её руках. — Её лучше поскорее усыпить, чтобы сознание закрепилось в теле.

Блеснула игла — София, расслабившись, закатила глаза и вновь спокойно и ровно задышала.

— Она точно не уйдёт... обратно?

— Нет. Раз она проснулась, узнала вас и ощутила боль — не уйдёт. Чуть-чуть осталось, ещё пара минут, ваше величество.

— Я держу, держу.

Арен следил за тем, как Эн и Валлиус растягивают контур по телу Софии — сначала по ногам, а затем, взяв две большие иглы с длинными сияющими нитями, пришивают к ступням. Причём не только к её, но и к его тоже. Закончив, они оставили связные иглы в теле Софии.

То же самое Брайон и Эн сделали с руками. Пришитый контур быстро впитывался в тело, уходил внутрь, как ему и полагалось, становясь частью девушки. Валлиус после этого отошёл в сторону, а Эн, достав из медицинского чемоданчика последнюю и самую большую иглу, попросила императора наклониться и начала пришивать контур к голове Софии. Закончив, она сделала несколько стежков и на голове Арена, прошептала:

— Терпите, сейчас опять будет больно. Не так, как раньше, конечно. И старайтесь не морщить лоб.

Не морщить получалось с трудом, потому что Эн царапала что-то резкими движениями иглы — полившаяся кровь намочила брови и ресницы, и Арен услышал удивлённый возглас Валлиуса:

— Эн, ты что делаешь?

— Это формула отдающего. — Она прекратила выводить узоры на лбу императора и переключилась на лоб Софии. — А это — формула принимающего. Константа — жизнь. Брайон, иначе никак, иначе она умрёт, как только Арен её отпустит.

— И вы, естественно, согласны, ваше величество, — вздохнул главный врач устало и повторил: — Мы все здесь сумасшедшие.

— Согласен, — подтвердил император обе мысли и охнул, ощутив резкую, но короткую боль от вошедшей в лоб иглы.

— Всё. Можете отпускать Софию. И вставайте.

— Ты уверена?

— Я ни в чём не уверена. Но мы сделали всё, что могли, и если даже после этого не получится...

— Ваше величество, отпускайте, — вмешался Валлиус. — Софии надо поставить капельницу. И — под «колпак».

Арен медленно разжал одну руку. Ничего не произошло — София осталась лежать на месте, и её контур на прежние пятнадцать маготав тоже был на месте, внутри её тела.

Сглотнув, император разжал вторую ладонь. И вновь всё осталось по-прежнему.

Арен улыбнулся и облегчённо выдохнул, услышав, как Эн и Брайон сделали то же самое. Ласково погладив Софию по щеке, он встал и, выпрямившись, ещё раз внимательно на неё посмотрел.

Цела. Не исчезает.

Не исчезает!

— Получилось... — прошептала Эн, и её эмоции, полные облегчения, вдруг погасли. Арен, понимая, что это может значить, резко развернулся — и успел прижать к себе потерявшую сознание девушку.

— Демоны! — рявкнул Брайон. — Её надо отнести в соседнюю палату, я сейчас вызову...

— Я сам отнесу, — покачал головой император. — Вы пока займитесь Софией, а потом уже вызовете нам обоим кого надо.

— Да вы же...

— Я отнесу.

Кажется, главный врач вновь хотел возразить, но в итоге только рукой махнул.

— Идите. Только, Защитника ради, не упадите, ваше величество.

— Не упаду.

Валлиус поспешил к выходу, и через пару секунд Арен, опуская Эн на одну из застеленных коек в соседней палате, услышал, как Брайон громко и чётко раздаёт указания врачам и медсёстрам.

— Арен... — пробормотала Эн, не открывая глаз. — Получилось... да?

— Получилось, — подтвердил он, почти рухнув на пол рядом с койкой, и прижался щекой к ладони девушки. Идти до соседней кровати не хватало сил. — Спасибо.

Её пальцы, дрогнув, словно бы погладили его, и Арен, внезапно до крайности разозлившись на себя, поднял голову — и снёс с Эн одну из печатей молчания.

Только потом он, так и не встав, пополз до второй койки и забрался туда, ощущая дрожь и ломоту во всём теле.

И отключился.

Глава 7

Когда Арен открыл глаза в следующий раз, вокруг были врачи и медсёстры. Кто-то подсоединял к нему датчики «колпака», кто-то вводил иглу в вену, кто-то гремел капельницей, и надо всем этим раздавался громкий голос Валлиуса:

— Рори, все показатели его величества на экран в течение двух минут. Клара, витамины для Эн, и противорвотное ей добавь. Лэйн, ты снотворное его величеству ввела через катетер? Я же сказал — три кубика норпродола ему, и чем скорее, тем лучше. Он вон уже проснулся и, если ему ничего не вколоть, встанет и побежит.

— Брайон... — прохрипел Арен, пытаясь возразить. Спать? У него нет времени спать и лежать под капельницами.

— Лэйн, вводи немедленно!

Больше ничего сказать император не успел — глаза сами закрылись.

Пробудился он будто через секунду, но Арен сразу понял, что на самом деле прошло какое-то время. Чтобы выяснить какое, он покосился на браслет связи и едва не застонал — полтора часа! Да сколько можно спать! Хватило бы и пятнадцати минут, чтобы восстановиться. А полтора часа для него сейчас непозволительная роскошь.

Арен, раздражённо вздохнув, приподнялся на постели и прищурился, заметив возле окна чей-то силуэт. Моргнул — и расплывающаяся перед глазами картинка наконец прояснилась.

— Что вы делаете? — спросила Эн негромко, подходя ближе. Эмоции её были прохладными от тревоги. — Не надо вставать. Ещё полчаса будет стоять капельница, только потом можно подниматься.

— Но ты-то уже поднялась, — возразил Арен по-прежнему хрипло. — Демоны, что с голосом...

— Это пройдёт. Я поднялась, потому что я всего лишь перенервничала. А у вас чуть энергетический контур не сломался.

— Но не сломался же.

Эн улыбнулась, и тревога сменилась нежностью.

— Не сломался. Но вам нужно полежать под капельницей ещё полчаса. Потерпите. И с Агатой, и с Софией всё в порядке. Ваша дочь разговаривает с Вагариусом и айлой Тали — Вану рискнул позвать её в палату, сказал, что вы не будете против.

— Я не против. А София?

— Она спит, и будет спать ещё несколько часов. Мы всем сообщили, но пока к ней никого не приглашали.

Арен кивнул.

— Я сам их приведу. Когда наконец смогу встать.

— Через полчаса, — повторила Эн твёрдо. — Поверьте, за это время мир не рухнет. А вот если вы не долежите, сами потом рухнете.

— Я понял. С твоим ребёнком всё в порядке?

— Да. — Она почему-то отвела взгляд, и в эмоции добавилось смущение. Эмпатический щит поставить бы, но Арен пока опасался пользоваться магией. — Всё хорошо.

Она замолчала, и смущение усилилось.

— Я хочу спросить, — выпалила Эн секунд через пять, вздохнув, и закусив губу. — Я не понимаю... Первым, что я почувствовала, когда пришла в себя, оказалось отсутствие одной из печатей молчания. Я не понимаю... — повторила Эн с отчаянием и в голосе, и в эмоциях. — Зачем?!

Печать молчания... Точно, он ведь снял её перед тем, как упасть в кровать.

— Я не знаю.

Эн нахмурилась.

— Что?..

— Я не знаю, — повторил Арен, усмехнувшись. — Или ты думаешь, что я исключительно расчётлив? Не могу совершить импульсивный поступок безо всякой причины?

Судя по изумлённому лицу, именно так она и думала.

— Тебе некомфортно? Если хочешь, я поставлю её назад.

— Нет! — Эн помотала головой, глядя на императора вытаращенными глазами. — Не надо! Я просто... я думала, есть какая-то причина...

Интересно, это у него во рту горчит или на душе горько?

— Причина... Что ж, раз я настолько расчётливое существо, изволь получить эту причину. Каждый раз, когда я смотрю на тебя, я вижу свою печать молчания и вспоминаю о том, что сделал. Мне хотелось бы, чтобы этого никогда не было. Не было той ночи. Хотелось бы стереть её из нашей общей памяти так же легко, как я стёр сегодня печать молчания. Я...

Император, задохнувшись, замолчал — нахлынувшие на него чужие эмоции были такими сильными, что он на пару мгновений потерял способность рассуждать и умудрился забыть, о чём ещё хотел сказать.

— Договорились, — произнесла Эн дрожащим голосом, будто обнимая его своей нежностью. Яркой, сияющей, почти как у Софии, только приправленной горечью и сожалением. — Договорились...

Она на секунду коснулась его руки кончиками пальцев, а после, развернувшись, выбежала из палаты, оставив Арена наедине с ощущением рухнувшей с плеч горы.

Эн в сопровождении серьёзного и строгого Валлиуса вернулась ровно через полчаса, как раз когда капельница закончилась и император всерьёз начал раздумывать над тем, что надо встать и уйти. Но на пару минут всё же пришлось задержаться — Эн и главный врач смотрели показатели «колпака», а потом ещё долго и нудно рассказывали ему о том, чего сегодня лучше не делать, чем питаться и сколько часов надо спать.

— Я понял.

— Сейчас покажете Агате, Вану и Синтии Софию, а потом пообедаете, — заключила Эн грозно. — И только после этого можете идти по своим делам. Но, пожалуйста, не переборщите с пространственными лифтами. Сегодня лучше побольше ходите по коридорам и лестницам.

— Я понял, понял.

Судя по лицам Валлиуса и Эн, им очень не хотелось выпускать императора из палаты, но при этом они оба понимали, что он не может лежать в кровати дольше, чем уже пролежал. И так два часа прошло. Да и зачем лежать, если контур в порядке и сила в нём практически восстановлена? Мышцы только до сих пор немного сводило, но Эн же сказала, что такой «побочный эффект» продержится ещё пару дней.

— Хорошо. Тогда я отсоединяю «колпак» и вынимаю катетер. Одежда ваша вон, на стуле.

Через несколько минут Арен, наконец одевшись, в сопровождении главврача и Эн направился в палату напротив, где находились его дочь, Вану Вагариус и Синтия Тали.

Когда Брайон распахнул перед императором дверь, все трое сидели на койке — Агата уже была одета в розовую пижаму — и синхронно обернулись. Наследница, до этой секунды что-то увлечённо рассказывавшая, широко улыбнулась, и Арен даже опомниться не успел, как дочь прыгнула на него с радостным визгом, повисла на шее и заболтала ногами.

— Папа-а-а-а!!!

— Моя радость! — Он поцеловал Агату в щёку и глубоко вздохнул, зарываясь носом в её волосы. Его маленькая девочка почему-то пахла не больницей, а сладкими булочками. — Как ты себя чувствуешь? Что-нибудь болит?

— Нет! — Она помотала головой и восторженно повторила: — Папа, папа!

— Агата очень ждала вас, ваше величество, — раздался рядом тёплый голос Вагариуса. — Только про вас и говорила.

— Папа, ты хочешь кушать? — поинтересовалась девочка, заглядывая ему в глаза почти со взрослой серьёзностью. — Ты же, наверное, не ел, как всегда!

Где-то сзади фыркнула Эн.

— А Синтия угостила меня булочками! Они такие вкусные! Давай мы сейчас сходим к Софи, а потом ты съешь булочку. Да?

Арен улыбнулся, пытаясь не засмеяться. Ему было немного страшно из-за ощущения нахлынувшего вдруг счастья. Не чужого, а его собственного.

— Твой папа съест не только булочку, а целый обед, — сказала Эн строго, но голос её чуть дрожал, и эмоции были тёплыми, радостными, искрящимися. — И ты тоже, Агата.

— Хорошо, Энни, — кивнула наследница, глядя на Эн через плечо Арена. — Я всё сделаю, как ты скажешь!

— Умница какая. — Кажется, Валлиус умилился. — Ты только сейчас, когда к Софии пойдём, не шуми и не кидайся на неё. Обниматься будете завтра, хорошо? Сегодня можно только смотреть.

— Я понимаю. Я не буду шуметь и кидаться, дядя Йон, честно.

Дядя Йон, Энни... Видимо, эта маленькая лисичка за последние два часа успела всех очаровать.

— Тогда пойдём, моя радость, — сказал Арен и, прикоснувшись губами к щеке дочери ещё раз, понёс её в палату к Софии. — Синтия, Ваню, вы тоже с нами.

Агата обняла руками его шею, прижалась, нетерпеливо болтая ногами, — и громко, ошеломлённо вздохнула, как только они вошли в палату напротив:

— Софи...

Арен поднёс дочь ближе, усадил на кровать рядом с Софией — его маленькая аньян спала, накрытая одеялом до подбородка, и Агата наклонилась, уткнулась лицом в грудь девушки, а потом всхлипнула и тихо заплакала.

— Ну ты что. — Император сел рядом на корточки и погладил дочь по спине. — Всё позади, Софи жива, видишь?

— Да, — всхлипнула Агата. — Но я так боялась, пап, так боялась, что она умрёт! Она же просто... схватила за руки, засветилась и исчезла. Мне только чудилось, что Софи меня обнимает, и я знала, знала — нельзя её отпускать!

— Ты и не отпустила. Ты молодец. — Арен обнял и поцеловал свою девочку. — Я горжусь тобой.

— Ваше... — прошепел позади чей-то голос, и император внезапно обратил внимание на эмоции окружающих. Погружённый в себя, он даже не замечал, что людей вокруг переполняют благодарность и счастье. — Ваше величество...

Рядом с ним опускалась на колени Синтия Тали.

— Спасибо вам... — прошептала она, глядя на него полными слёз глазами. — Вам и Агате. Вы вернули нашу девочку...

— Встаньте, — вздохнул император, поднимая голову, и посмотрел на Эн, которая тоже шмыгала носом и вытирала мокрые щёки рукавом. Он понимал, что об общем смысле процедуры она должна была рассказать Ваню и Синтии, но, конечно, про отданную часть жизни не обмолвилась. — И пожалуйста, перестаньте плакать. Лучше накормите нас с Агатой обедом. Что там за вкусные булочки?

— С апельсиновым джемом, — ответила Синтия, поднимаясь с колен, и чуть покраснела. — София любит.

— Я думаю, Софи будет не против, если вместо неё их съест его величество, — вмешался Вано с улыбкой.

— Сначала суп и второе, — напомнила Эн.

— А потом нам с Вано можно будет прийти сюда? — спросила Синтия, оглядываясь на спящую дочь. — Просто посидеть рядом.

— Я тоже хочу! — сказала Агата. — Папа, а ты?

— Мне нужно во дворец, моя радость. Но тебе ещё необходимо оставаться в госпитале, поэтому ты можешь побыть с Софи вместе с её мамой и Вано. Верно, Эн?

— Верно.

После быстрого обеда император обнял дочь, пообещав ей, что обязательно зайдёт вечером и вообще ночевать Агата будет уже дома, рядом с Александром, а затем отправился во дворец. Эн, оставив наследницу, Вано Вагариуса и Синтию Тали с Софией, уже собиралась ненадолго спуститься к себе в лабораторию, когда в коридор вышел безопасник и негромко поинтересовался:

— Я могу поговорить с вами, Эн?

— Да. — Она кивнула, ничуть не удивившись. — Пойдёмте в палату Агаты, там как раз сейчас пусто.

Чему было удивляться? Вагариус, в отличие от Синтии, маг, не мог он не понять, что её краткое объяснение сути процедуры не выдерживает никакой критики. Но что она могла сказать при Агате? Только обтекаемое: «Твой папа держал контур, а мы с дядей Ионом возвращали тело». Эн не сомневалась, что девочка тоже поняла — не может всё быть так гладко, но спрашивать ничего не стала. Действительно умный ребёнок.

— Я хотел узнать... — Вано, застыв посреди помещения, внимательно смотрел на Эн, чуть прищурившись. — Вы так мало сказали насчёт процедуры, но ведь это не могло быть просто. Пожалуйста, если император не поставил на вас печать молчания, поведайте мне, что вы делали.

— Печати молчания пока нет. — Эн не сомневалась, что и не появится. — Но вы же понимаете, я не могу рассказать всё, Вано. Процедура будет засекречена. Хотя это, конечно, прорыв для науки... — Она хмыкнула. — Но этот прорыв не имеет особого смысла — абсолютные щиты всё же слишком редкое явление, а их удержание — явление ещё более редкое.

— Я понимаю. Расскажите, что можете. Я просто... — Вагариус вздохнул и, поморщившись, признался: — Мне и раньше чудилось, что его величество... и София...

А вот это он упомянул зря — Эн сразу расхотелось что-либо говорить.

— Его величество спас вашей внучке жизнь, — произнесла она холодно. — Он держал её контур, пока мы с Валлиусом воздействовали на его тело при помощи силы тока. Чтобы София вернулась, боль должна была быть запредельной, поэтому мы довели императора до полного магического перенапряжения.

— Защитник... — пробормотал Вано шокированно. — Он жизнью рисковал, получается?

— Жизнью — нет. Но контур сломаться мог, да он и пытался сломаться, когда тело всё же появилось. — Эн выдохнула и негромко сказала: — Не лезьте туда. Они сами разберутся.

Вагариус покачал головой. Глаза его были грустными.

— Конечно, я не стану ничего говорить ни императору, ни Софии. Спасибо вам, Эн.

Безопасник, кивнув, вышел из палаты, а Эн, проводив его взглядом, почти неслышно прошептала:

— Да что тут скажешь. Они же не виноваты...

Возле кабинета Арена уже ждал Гектор, почему-то выглядевший чуть более радостным, чем накануне.

— Хорошие новости? — поинтересовался император, заходя в кабинет, и через браслет попросил секретаря принести им с Дайдом чаю.

— Вы же понимаете, ваше величество — то, что хорошо для нас с вами, для других так себе, — хмыкнул дознаватель. — Но да, кое-что прояснилось наконец. Кстати, хотел спросить, пока не забыл... Что происходит с Адрианом? Вы его ощущаете?

— Ощущаю, — ответил Арен, садясь на диван, с удовольствием потягиваясь и разминая ноющие мышцы. — Отирается возле Геенны, в зоне затруднённого поиска. Я тебе скажу, если он оттуда выйдет.

— Мне кажется, вряд ли он выйдет... — пробормотал Гектор задумчиво, доставая портсигар из нагрудного кармана. — Могу я?..

— Да, кури.

Дайд с наслаждением задымил, а через несколько секунд, когда Адна принесла чай, сразу выпил едва ли не половину чашки и стал ещё более довольным.

— Я вас поздравляю с возвращением Софии, ваше величество. Вагариус мне сообщил.

— Спасибо, Гектор. Но она ещё не пришла в себя, спит.

— Придёт. Вечером уже сможете поговорить с ней. — Дознаватель усмехнулся, и Арена кольнуло понимание — а ведь действительно, уже сегодня вечером... И что он будет говорить Софии?..

Но думать об этом оказалось некогда.

— Я начну с амулетов-нейтрализаторов, ваше величество, — продолжил Гектор, и император сразу отринул все лишние мысли, сосредоточившись на том, что говорил Дайд. — Мне был интересен способ изготовления фальшивок, но нормально проконсультироваться по этому поводу с Кларой Галиос я смог только сегодня утром. Фальшивки были сделаны при Аароне, когда ваш брат находился на должности начальника охраны дворца, это ясно, — но как именно их изготовили? Я предполагал, что это может иметь значение, и не ошибся. Амулет-нейтрализатор — это артефакт первой степени сложности по классификации специалистов. Если вы не помните, что это значит...

— Я помню, — перебил его Арен. — Большой срок изготовления, высокая точность действий, но главное — невозможность починить сломанное. Если такой артефакт сломать, надо делать новый, исправить прежний нереально.

— Вот, — кивнул Гектор. — Но для того, чтобы достать из нейтрализатора вашу кровь, артефакт надо сломать. И как тогда изготовили фальшивку? Сломали, а затем починили — или сделали новый? Я показал Кларе эти амулеты и выяснил интересную вещь. Их не ломали, но и новые не делали. Каждый амулет имеет уникальный номер, зафиксированный на корпусе и зарегистрированный в архиве как особая ценность. И зачаровано всё так, что нанести этот номер повторно на фальшивку невозможно. Там используются связанные металлические пластины — если одна ломается, деактивируется и вторая, работники архива делают пометку, что артефакт вышел из строя, и сообщают об этом владельцу. В настоящий момент из всех наших амулетов-нейтрализаторов пластина с номером сломана только у того экземпляра, который был у Дэйва.

— Интересно. И как же тогда они умудрились...

— Необходимо было вытянуть кровь, не ломая амулет, разбавить её кровью Аарона, а потом осторожно ввести обратно внутрь. Это не просто тонкая — тончайшая работа, требую-

щая филигранного мастерства. Клара сказала, что на подобное способны единицы. Она дала мне список из двенадцати известных ей артефакторов, которые могли бы сотворить подобное.

— Арвен Асириус среди них есть?

— Естественно. Как и Рон Янг, и сама Клара. А вот в вашем племяннике она не уверена. Кстати, наши с вами догадки подтвердились — никто из арестованных о поддельных нейтрализаторах ничего не слышал. В общем, либо исполнителем для вашего брата стал артефактор из второй волны заговорщиков, либо кто-то посторонний. Возможно, какая-то тёмная лошадка, о которой Клара не слышала, хотя она уверяет, что знает всех лучших специалистов Альганны. Руку мастера не скроешь, а чтобы научиться делать такие вещи, нужно очень много тренироваться.

— Что ж, это уже ближе к Асириусу, чем раньше, но всё равно далековато.

— Я понимаю, ваше величество. Будем копать дальше.

— Скажи мне вот что... Стычки между аристократами и нетитулованными магами продолжают или ситуация стала спокойнее?

— После вашего выступления — существенно спокойнее, — ответил Гектор, выдохнув облако дыма и поглядев на Арена с благодарностью. — Не идеально, но небо и земля. Вчера количество стычек по стране превышало три сотни, сегодня — не более двух десятков. У нас хотя бы есть время заняться делом, а не разнимать этих... драчунов.

— Что ж, я рад, — сказал Арен и поморщился, ощутив, как колет в груди — там, где несколько часов назад был прикреплён датчик подачи тока. — Сейчас это только мешает. Что со слухами, будто я сам организовал случившееся в субботу?

— Немного поутихли, но всё равно...

— Ладно, и здесь примем кое-какие меры. Хотя лучшей мерой стал бы арест настоящих организаторов.

Гектор наклонил голову.

— Виноват, ваше величество. У меня в последнее время что-то вообще прокол на проколе.

— А у меня? — фыркнул Арен. — Давай-ка без этих глупостей. Что по делу Виго Вамиуса?

— Здесь мы кое-что нашли. Сбежав из дома в ночь накануне покушения на наследницу, Виго перенёсся на городскую площадь Ритайлы, прыгнул с площадки для переносов и ушёл. И если раньше было непонятно, остался он там или вернулся в столицу, то теперь уже ясно — вернулся. Тудаага, в водах которой обнаружили Виго, в Ритайле не течёт. Каким образом бывший начальник охраны дворца перенёсся обратно? Мы искали его следы в Ритайле и наконец обнаружили их. В городе ночью всегда есть бодрствующие — кто-то поздно возвращается с работы, кто-то выводит погулять собаку, а кому-то просто не спится. Благодаря показаниям постовых, которые видели Виго под иллюзорным амулетом, мы создали примерный портрет и стали показывать его горожанам. Несколько человек опознали Вамиуса — они заметили его той ночью и обратили на него внимание, поскольку время было позднее. Мы попробовали проанализировать его путь, сделали одно предположение, опять поспрашивали жителей и кое-что обнаружили. Вы же знаете, ваше величество, что у Императорского театра во многих городах есть либо квартиры, либо собственные дома для гастролирующей труппы? В Ритайле как раз имеется такой дом, небольшой особняк на окраине. Соседи несколько раз видели, как Виго туда заходил — естественно, с другой внешностью, под амулетом.

— Я даже не знаю, что сказать, Гектор, — пробормотал император, допивая чай, и покачал головой. — Императорский театр... Он-то здесь каким боком?

— Выясним. К сожалению, в самом особняке никаких следов переноса не осталось — слишком много времени прошло, следы заклинания развеялись. Но именно оттуда Вамиус вернулся в столицу, я уверен. Возможно, к кому-то из сообщников. В любом случае Импера-

торский театр — это хорошая зацепка и серьёзный прокол. Значит, там работает кто-то из них, и этот человек не в углу валяется, раз может достать ключ от дома, принадлежащего театру, а по сути — государству.

— Час от часу не легче. Получается, в этом замешано ведомство Вольфа Ассиуса, мужа Анны. Надеюсь, хотя бы не он сам.

— Я проверю, ваше величество. Пока у меня всё.

Арен кивнул и покосился на браслет связи. Демоны, с этими капельницами он столько времени потерял... Конечно, Брайон и Эн были правы, но... сколько же времени!..

Глава 8

Медленно и вязко в её голову проникали звуки.

Первым, что услышала София, был голос, произнёсший имя, которое она любила.

Арен.

Потом была боль, заполнившая её всю до такой степени, что она резко ощутила саму себя, каждую частичку тела — вены и артерии в руках и ногах, мышцы, внутренние органы, и особенно — сердце, которое неожиданно забилося так быстро, словно она недавно куда-то бежала.

И вновь тишина. И тьма, и ничего, кроме неё.

А после...

— Софи-и-и... Просыпайся... Энни, ты уверена, что она проснётся?

— Должна, Агата.

Агата!

Сердце опять забилося, стукнулось о грудную клетку, и София открыла рот, пытаясь повторить это имя. Она хотела знать, жива ли Агата, спаслась ли из того жуткого огня?..

Но вместо имени из неё вырвался хрип.

— Ой!

— Не бойся, не бойся! Ваню, подайте-ка мне синий флакон со стола. Так-так... — Кто-то приподнял голову, а следом в нос ударил до ужаса неприятный запах, от которого сознание чуть прояснилось. — Прекрасно, отлично, умница! А теперь сделай глоточек... — В губы ткнулось что-то холодное, и через секунду в горло полилась тонкая струйка маслянистой жидкости, пахнувшей какими-то травами. — Ещё, ещё... Всё, молодец, хватит. Ваню, будьте добры, мне нужен теперь зелёный флакон... Да, спасибо. — София чуть дёрнулась, потому что кто-то умелым движением раздвинул ей будто слипшиеся веки и закапал сначала в один глаз, а затем во второй. — Вот так. Софи, ты меня слышишь?

Она кашлянула и на миг задержала дыхание, ощутив обжигающую боль в груди. Болело не только там — всё тело сводило, как будто её били палками.

— Слы... шу.

Ну и голос! Горло словно ватой забито.

— Говорить и двигаться пока будет сложно, — продолжал кто-то, и теперь София уже понимала, что говорит девушка. — Но надо делать и то и другое. Попробуй открыть глаза.

Она попробовала и чуть не застонала — под веки не то что песок, будто стеклянную стружку насыпали. Стружка кололась, и София непроизвольно начала плакать.

— Софи, не плачь! Мне тоже было очень плохо, когда я проснулась. Но это пройдёт!

Агата. Это же Агата!!!

Она приподнялась, потянувшись туда, откуда доносился голос, протянула руки, пытаясь достать... и обхватила знакомое маленькое личико, нежные ушки, мягкие волосы...

— Агата... — прошептала София и всхлипнула, но теперь от счастья. — Крошка, ты живая...

Вокруг все засмеялись, и она повела головой, улавливая знакомые и родные голоса.

— Мама? Ваню?

Так хотелось открыть глаза и посмотреть, но не получалось — они слишком болели и слезились.

— Мы тоже тут, моя девочка, — сказала её мама и обняла Софию. — И я, и Ваню.

— И Ваню? — спросила она глухо и вновь повела головой. — Ваню, ты где?

— Здесь. — Мужские руки тоже обняли её, погладив по спине. — Ты что-нибудь помнишь, Софи?

— Я... — Она кашлянула, ощутив, что говорить действительно постепенно становится легче. — Помню, как ехали... Потом огонь... Дэйв пытался... У него не получалось... И всё. Почему мы не погибли?

— Потому что ты меня спасла! — воскликнула Агата, прижимаясь к ней, и поцеловала в щёку. — Вот почему!

— Спасла? — пробормотала София растерянно. — Я не помню. Только огонь помню, Дэйва и... — Она нахмурилась. — Я очень хотела тебя спасти, Агата, но я ничего не делала...

— Делала-делала, — раздался вновь незнакомый женский голос. — Вано, Синтия, Агата, я попрошу вас сейчас выйти на часок, хорошо? Мне нужно провести с Софией несколько процедур. Когда мы закончим, я вас позову.

— Хорошо, — сказали хором Вано и Синтия, выпуская её из объятий. — Родная, мы будем рядом, — произнесла мама, коснувшись ладонью волос Софии.

— У твоей мамы остались две булочки с апельсиновым джемом, — шепнула Агата перед тем, как тоже оторваться от неё. — Потом поужинаешь и съешь! Они такие вкусные!

София улыбнулась и сразу поморщилась — губы словно иголками закололо. Что же с ней такое случилось? Отчего всё настолько болит? И, Защитница, как они с Агатой остались живы после портальной ловушки? Дэйв, получается, тоже жив?

— Я помогу тебе раздеться. — Незнакомый голос раздался совсем рядом, а вслед за этим София застонала — из-за приподнятых рук заныли плечи. — Так, ложись. Сейчас я тебя разотру, чтобы было легче. Глаза так и не можешь открыть?

София чуть приподняла веки и замерла, поняв, что делать это уже не настолько больно. Но рассмотреть окружающее пока не получалось — всё расплывалось и сливалось в единое пятно.

— Могу. Но я плохо вижу, всё плывёт.

— Это нормально, — утешила её незнакомка. — И пройдёт в течение часа, даже быстрее. Ложись на койку, разотру тебя. Заодно расскажу, что случилось, тебе же интересно?

— Да. А ты... вы кто?

— Твой лечащий врач. — Девушка засмеялась. — Меня зовут Эн. Ну, слушай...

Сразу после совещания с Гектором Арен пригласил к себе главу Комитета культуры, науки и образования — Вольфа Ассиуса, мужа Анны. Сделал он это не для того, чтобы спрашивать про Императорский театр и связь с Виго, а совсем по другой причине.

— Вольф, — Арен кивнул в ответ на приветствие и пожелание здоровья и сразу перешёл к сути дела. — Ты в курсе слухов насчёт произошедшего в субботу?

Его зять нахмурился и задумчиво почесал переносицу.

— Ты про эту ерунду, будто покушение ты сам организовал?

— Да, про эту.

— Слышал. — Вольф презрительно усмехнулся, и от его эмоций плеснуло неприязнью. — Как только в голову пришло...

— Тебе ли не знать, как создаются сказки и легенды, — хмыкнул Арен. Немногие были в курсе того, что глава комитета культуры не только руководит комитетом, но и пишет пьесы для спектаклей и детские книги — конечно, под псевдонимом. Так Анна с будущим мужем и познакомилась — пришла на премьеру спектакля, захотела увидеть автора понравившейся пьесы, а через полгода уже выходила замуж. Магом Вольф был посредственным, зато его родовой дар позволял запоминать наизусть страницы мельком увиденного текста — уникальная ментальная магия. — Я тоже хочу создать сказку, и прошу тебя помочь мне в этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.